

A photograph of a traditional wooden bridge over a river. The bridge is constructed from dark, charred logs. In the foreground, a large log tunnel is built into the riverbank, with water flowing through it. The surrounding area is lush with green vegetation and rocks.

МАЙЯ НОВИК

НЕФОРМАЛ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Майя Новик

Неформал. книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270641

ISBN 9785449347572

Аннотация

Что можно противопоставить системе в 16 лет? Можно совершить пару диггерских вылазок в охраняемые подземелья Москвы. Можно найти там чемодан с наркотой и можно даже его занюхать, чтобы насолить врагам. Но все это – детские шалости по сравнению в надвигающейся катастрофой... Кто кроется во тьме? Генетические уроды, мутанты и людоеды. Но даже на краю гибели стоит вспомнить заповедь: даже в 16 лет умереть «за други своя» – это честь.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая Чемодан	66
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Неформал книга третья

Майя Новик

© Майя Новик, 2018

ISBN 978-5-4493-4757-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-4642-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Пистолет

....Все началось одним солнечным, жарким днем, когда на перемене я встретил на школьном дворе Джокера. Не знаю, почему он позвал в напарники именно меня, в принципе, у него и своих друзей хватало. Я их, правда, не видел, но говорили о них много. Говорили, что все они старше Джокера, а Джокер был старше меня на год. И все они были смертниками. Их там целая банда была. Сами себя они называли диггерами, в память о каких-то крутых парнях, которые изучали подземелья Москвы в начале века. Шнурок – малец из восьмого класса, говорил, что они водили его на могилу основателя диггерского движения – то ли Махлевского, то ли Мамонтова, не помню.

Но то было раньше. В 2051 году все, кто рисковал спускаться вниз, были рано или поздно обречены, потому что зондеркоманды Бюро национальной безопасности стреляли без предупреждения. Оно и понятно: бюреры, как их называли у нас в интернате, считали, что в катакомбах Москвы в военное время стало слишкомлюдно. Спросите, почему у комиссаров БНБ такое странное название? Да так у них самого главного звали! Верховный комиссар БНБ Иоганн Бюрер! Так и пошло: бюреры да бюреры. А че. Прикольно!

Ходили слухи, что под землей есть целые поселения террористов-конви, что у них там своя собственная сеть ходов и склады с оружием, и что в нужный момент они по знаку из-за океана вырвутся на поверхность. Вот бюреры и обеспечивали безопасность работы метро, отлавливали негодяев. Заодно и всех диггеров с подземки повыгоняли. Ну почти всех. Таких, как Джокер, просто так не прогонишь!

Лидер* по психологии Ираида рассказывала нам на своих уроках о конви, как об экстремистах, которым ничего не надо, лишь бы все вокруг взрывать, но я почему-то не верил ей. Да никто на самом деле не верил тому, что она говорила, просто всем было пофигу. Ираида закатывала глаза под толстыми стеклами очков, и ее жирное тело ходило волнами от негодования.

– Слово «конви», – заученно вещала она нам, подняв вверх жирный палец, похожий на сардельку, – происходит от английского слова «convinced» – убежденный. Секта ортодоксальных конви – самая страшная тоталитарная секта в Евразийских штатах. Они не признают единого бога, которому поклоняются все религии мира, и молятся своему лжепророку, которого считают не только человеком, но и богом. Фанатики отрицают существование бессмертных Святых Патриархов, а жизнь человека для них ничего не значит. Когда пятнадцать лет назад мы победили Халифат, к власти в стране мирным путем пришли Патриархи, и секта кон-

ви была запрещена. Все религии мы свели воедино первым и единственным собором Патриархов. Ведь бог один, это молимся мы ему по-разному. Тогда и проявился преступный характер мерзкой веры конви...

На самом деле занятия в школе еще не начались, это нас, интернатовских, гоняли в школу весь август на дополнительные уроки. Вы можете подумать, что мы были какие-то особо тупые. Нет, просто так нас было легче контролировать, и свободного времени почти не оставалось. Весь июнь и июль нас заставляли пахать на отработке, а в августе начинали долбить знаниями.

Я до сих пор вспоминаю лидера Ираиду с содроганием: ее водянистые глазки, пылающие ненавистью, крючковатый нос и жирные складки, идущие вниз к подбородку по обе стороны рта. Она была похожа на отвратительную, растолстевшую сову.

Мы все тогда сидели возле нее на стульях, поставленных полукругом, слушали, и всем было, в принципе, наплевать. Главное – дожидаться, когда же закончится час коррекции личностного роста, и тогда можно будет валить из школы. Джокер оказался единственным, кто поднял руку и спросил: – Лидер Ираида, а правда, что с десятого века и по начало двадцатого вера конви была официальной религией страны?

А потом он, не дожидаясь ее ответа, задал еще один вопрос:

– А правда, что за это время территория страны увеличилась в десять раз и достигла берегов Тихого океана? И как такое возможно, что народ, исповедуя религию разрушения, смог создать на основе нескольких раздробленных княжеств самую большую в мире страну?

Джокер он такой: как срежет, так срежет! Иногда я думаю, что он знает все на свете. Однажды он признался, что запоминает все, что когда-либо прочитал.

Лидер затряслась от гнева. Такое с ней иногда случалось. Мой друг Длинный – ну то есть Саня Матвеев, называл такое состояние «сбой программы». Какое-то время она давилась собственным бешенством так, что пузыри шли с губ, потом взяла себя в руки.

– Ну, Волжанин, дожدهшься ты у меня! – прошипела она. – Сама бюреров за тобой пришлю!

Волжанин – это фамилия Джокера.

Мы переглянулись. Если Ираида взбесилась, значит, дело дрянь.

Она повернулась, протопала к столу, жирные бока, обтянутые серым платьем, переваливались, включила лаймер*, вызвала вохровца, который возил нас из интерната в школу и обратно – толстого детину, каким-то образом увильнувшего от призыва в армию, и приказала ему проводить Джокера к куратору.

Не повезло Джокеру! Даже ювенальный инспектор уже

считал, что по Джокеру плачет каторга, но до куратора Джокер не дошел. Он выпрыгнул в открытое окно со второго этажа и удрал, перемахнув через школьный забор. Понятное дело, вохровец прыгать за ним не стал. Оно ему надо, за такие деньги? Джокеру надо было найти фальшивый каунтер* и залечь на дно, как это делали все, кто сбегал из интерната, потом выбраться из Москвы куда подальше, где каратели из БНБ не так свирепствовали, найти простенькую работенку... Но Джокер никогда не был таким, как все.

Я встретил его на школьном дворе на следующий же день. Стоит, как ни в чем не бывало, у забора, головой вертит. Ну я сразу понял, что встал он не просто так, а правильно. Ни одна из школьных видеокамер его не достает. Увидел меня, махнул рукой, мол, гребни сюда! Ну я и подгреб.

– Чего, – спрашиваю, – надо?

А он отвечает:

– Сходи, – говорит, – со мной в подземку еще раз. Мне там кое-что забрать нужно.

– А че сам? – спрашиваю.

– Да ничего, – вздыхает, – мне надо еще на уровень вниз спуститься. А там колодец, надо подстраховать, мало ли что.

Это у них, смертников, такое правило – по одному не ходить. Хорошее правило, да только и мне тоже подставляться не хочется, я сам – кандидат на вылет. Еще один эпизод, и я – почти конви. Изгой.

– И что мне за это будет? – спрашиваю.

– В смысле? – не понимает Джокер, а сам глазами туда-сюда смотрит, соображает.

– Дурку не гони, – отвечаю ему. – Хапануть же чего-то хочешь? Ну хабар пополам, и дело в шляпе.

А он так замялся и говорит:

– Я думаю, тебя хабар не устроит. Возьмешь ножик?

Ножик у Джокера отличный! Я о таком всегда мечтал, да только денег мало было: не чета я Джокеру. Вон у него и лаймер самой последней модели, и девайсы всякие тоже на высоте, опять же снаряга для походов. А у меня что? Армейские ботинки и самые дешевые армейские же штаны. Ну еще подковка золотая на цепочке. Я ее у Шнурка по дешевке купил, он мне должен был. Остальное казенка, интернатовское. Поэтому я решил: пусть хоть ножик моим будет. Всегда пригодится. И здесь, и если что – в бегах.

Но ножиком он дорожил, везде таскал его с собой, значит, одно из двух: либо хабар все-таки дорогой, и Джокер решил пожертвовать ножом, либо... Либо маршрут опасный.

Но меня опасностью не отпугнешь. Я, конечно, не диггер, не особо люблю по подземельям и техническим каналам лазать, но и в отказ, если что случится, не пойду. Джокер знает, кого в напарники брать. Это я в прошлый раз Шнурка на себе вытащил, когда тот в темноте в колодец упал и ногу сломал. Куратору мы тогда втюхали, что Шнурок со старого гаража на задворках интерната упал. Куратор нам не поверил, на рожах, видать, было написано, что врем, да и воняло

тогда от Шнурка, как от дохлой крысы: изгваздался в канализации, но мы стояли на своем, и деваться ему было некуда. Оформили, как несчастный случай за пределами интерната, а гараж потом втихую снесли. А Шнурку в ногу вкрутили шесть титановых винтов, чтобы кости срослись, обещали через год снова операцию сделать – снять винты. Но только год еще не прошел.

С тех самых пор куратор глаз не спускал ни с меня, ни с Джокера. Ну и как водится, наскреб Джокеру на дело, а мне – на штрафы. Чего теперь об этом вспоминать, дело прошлое. Не совсем, конечно, прошлое, но для Джокера уже точно все в прошлом: и куратор, и Ираида, и весь наш интернат, и даже я.

Ну я его и спрашиваю:

– Ты что, валить собрался?

А куда валить, не спрашиваю, потому что меньше знаешь, лучше спишь, а то куратор притащит к себе в пыточную, – так мы называли его отдельный кабинет для допросов, да заставит отвечать на полиграфе, а не понравятся ответы, вкатит тебе дозу пентотала, и сам расскажешь все, как миленький. И даже инспектор не поможет, – все по закону. С двенадцати лет – можно и пентоталом. А малолеток – в карцер. Та еще дыра.

Но Джокер и не собирался мне ничего рассказывать, кивнул просто, да и все. И спрашивает:

– Пойдешь или сачково?

– Пойду, – отвечаю, – чего не сходить?

Ну мы договорились с ним встретиться после занятий, мне надо было в общагу заглянуть да из тайника кое-какую снарягу выгрести.

Еле-еле я оставшиеся занятия высидел. Если бы там физкультура была или еще что-нибудь интересное, вроде древней литературы, оно, может, еще и ничего. Но литератора у нас нет, сократили. А психологию отношений вела все та же лидер Ираида. Причем, не понимала совсем наша старая дева, что в реальности все ее ученики в этой самой психологии шарят – лучше Фрейда и Юнга вместе взятых. А попробуй без психологии выжить у нас в интернате! Даже Джокер-одиночка и тот свое место знает. Знает, к кому и как подойти, кому сколько дать на лапу, чтобы легче жилось. А те, кто не знает или сопротивляются, те долго не живут! Тут куратор Ромберг все быстро пронюхивает, знает, подлец, чем это ему грозит, разборки да убийства в интернате ему не нужны, и он под предлогом слабого здоровья переводит таких бедолаг в централ под Тверью. А из централа никто и никогда не возвращался. Из централа не сбежишь, да, говорят, и не захочешь. Напичкают таблетками под завязку, и будешь смотреть всю оставшуюся жизнь на небо через решетку. Хотя и это, может быть, тоже слухи. Раз никто оттуда не возвращался, откуда же тогда знают, что там все именно так, а не иначе? Может, там вообще по-другому. Страшнее и проще.

В общем, вернулся я после занятий в интернат, поднялся на третий этаж в свою комнату, а там уже Длинный сидит. Длинный не только мой приятель, но еще и сосед по комнате. Это мне повезло. Вон у Шнурка в соседях местный стукач – Куля. Он же Евгений Меркурьев. Та еще личность... А у меня, считай, под боком надежный человек. Правда, с Длинным еще объясниться надо было, почему я один иду, а его с собой не зову. Но как только я вошел в комнату, так сразу понял, что Длинному не до меня. Сидит, бедолага, на кровати прямо в школьной форме, руки свои огромные между коленок зажал и смотрит перед собой так странно. Волосы темные на лицо падают. И даже голову не повернул, когда я вошел. И тут я только сообразил, что не было его на последних уроках. А если не было, значит, таскали либо к директору, либо к куратору, третьего не дано.

Встал я перед ним, и тут он голову поднял, и я увидел, что у него лицо слезами залито. Я даже понять ничего не успел, ну не было такого, чтоб Длинный плакал, но тут он носом шмыгнул совсем по-детски и говорит:

– Знаешь, Шурыч, а у меня батя с зоны откинулся! – и улыбается. Улыбается, а слезы по лицу так и текут.

Я замер.

Шурычем меня зовут именно из-за Длинного. Он ведь тоже Александр, как и я, только его все Саней кличут, а меня –

Шурычем, чтоб не путать. Это потому, что он тут первый появился, а уж потом, через год – меня привезли. Только я, в отличие от Длинного, ничего не помню про своих родителей, хоть и было мне тогда шесть лет. Ну вообще ничего. А Длинный помнит. И как мамка умерла у него, и как бате срок дали за политическое безразличие: то есть за то, что не донес на кого-то. Ну вот не прошло и одиннадцать лет, как его выпустили.

Сын почти взрослый.

Я начал было переодеваться, потому что спешил на встречу с Джокером, а тут вдруг остановился. Это что же получается? Нам же год остался доучиться – до мая следующего года, мы с Длинным вдвоем хотели в армию пойти, чтобы после учебки, когда нам по восемнадцать стукнет, в одну часть попасть, а потом, если понравится, так и по контракту остаться. И это был отличный выход для таких, как мы – без роду, без племени и без гражданских прав. Через пять лет службы мы могли устроиться на нормальную работу здесь, в Москве, а если прослужили бы все десять, так и на высшее образование тоже могли бы рассчитывать. А так – кому мы тут нужны, интернатовские выкормыши? Никому. Нет, ну у некоторых, конечно, была родня, дом, было куда вернуться. Но только не у меня. У меня только Кутузов и был. А что Кутузов? Ни я ему не нужен, ни он – мне.

Длинный всегда говорил о том, что если его батью и выпустят, то только лет через двадцать. И вот – на тебе! Отпусти-

ли... И не просто отпустили, но еще и сына отдали, что уж совсем редко бывает.

Это значило только одно: что Длинный завтра уедет. Насовсем. Он уедет, а я останусь. И не факт, что когда-нибудь встретимся. Потому что видел я такие штуки не раз и не два. Вся местная дружба рушилась, как только находились родные люди. Ни разу такого не было, чтобы те, кто отсюда вышел, по своей воле возвращались, повидаться или там на выпускной. Да разве можно было их в этом винить? Кто же по своей воле в тюрьму вернется? Даже на время?

Так вот, сел я на свою кровать, не успев и до половины майку натянуть. Сижу. Чувствую, во рту пересохло. Думаю. Если Длинный уедет, мне придется плохо. Сожрет меня Чика, как пить дать, сожрет. Чика – это прозвище такое, сокращение от Чикатило, был такой маньяк в прошлом веке.

Здесь, в интернате, Чика возглавляет банду. Юридически это называется «этническая преступная группировка», и таких группировок, если верить всей той чуши, что вливают нам в уши по каналам лаймера, у нас нет. И не было никогда. Все вычистили еще пятнадцать лет назад, когда Халифат штурмом брали. Так что сожрет меня главарь несуществующей группировки и не подавится. Давно на меня зуб точит. Это Длинный не дает с меня скальп снять. Длинный, он, знаете, какой! Это он только выглядит несуразно, а так он в драке настоящий берсерк. Его, главное, разозлить как

следует. А потом у него глаза белыми становятся, и – держите меня, семеро! Видали, какие у него ручищи? Даст разок и все, в больнице человек.

Ну так вот, сижу я и чувствую, что сердце у меня падает куда-то вниз, падает и поддержать его некому. Сглотнул я и говорю:

– Когда уезжаешь?

– Завтра, – отвечает и улыбается снова сквозь слезы, и видно, что рад-радешенек. Хотя чему радоваться? Это одиннадцать лет назад батя был батей, а Длинному было пять лет, а теперь что? Длинному шестнадцать, отца он не видел и даже не помнит толком, каким он был. Ну то есть помнит, конечно, но не так ведь, как если бы вчера расстались. Верно? Но друг есть друг, и у друга сегодня радость. Он домой уезжает.

– Отходную будешь праздновать? – спрашиваю.

Кивает.

– Вечером, – говорит, – после отбоя. Я Шнурка позвал да Ваську-лысого, да Серегу еще.

Посидел я, посидел, подумал. По крайней мере, не пришлось объяснять Длинному, почему один уйду. Да он и спрашивать меня ни о чем не стал, совсем шальной от радости был. Подскочит, начнет вещи собирать, а все из рук валится, потом снова сядет на кровать и сидит, то ли смеется, то ли плачет.

Залез я в карман, отслюнявил тридцатку, отдал свою долю

на отходной.

– Пиво только на меня не покупай, – сказал. – Ну его на фиг, а то меня куратор затопчет. Так и ждет, чтоб в централ засадить.

Тут я наконец одеваться закончил, рюкзак за спину закинул, ноги в ботинки сунул и до двери пошел.

– А ты сам-то куда? – всполошился вдруг Длинный.

Надо же, заметил! Но я только рукой махнул.

– К отбою приду. Будь! – и в коридор вышел.

А там я за угол свернул и быстро по лестнице спустился на цокольный этаж, а потом на цыпочках прокрался мимо бойлерной, где старый Киловатыч жил, он у нас в интернате и за электрика, и за дворника, и за слесаря был. Добрый старик, безобидный. Думаю, что он даже доплату не получал за свою работу, хотя дневал и ночевал прямо здесь, в общеаге. Доплату, небось, куратор с директором между собой делили.

А потом я мимо прикрытой двери старой библиотеки проскользнул, туда за ненадобностью все старые книги спихнули, и к двери подошел, которая прямо в Кирочкин переулок выходила. Дверь, конечно, на электронный замок закрыта была, но я же не первый год здесь живу! У меня давно ключи почти от всех дверей в этом здании сделаны, да и в административное я тоже, если понадобится, смогу залезть.

И вот провожу я, значит, ключом по датчику и тут понимаю, что за спиной кто-то стоит. Я замер. Хорошо, если это

Киловатыч, а если это вохра? Тогда пиши пропало! О том, что со мной будет, если это сам куратор, я даже думать не хотел.

Ну стою я так, думаю, а сам весь в напряжении. А тут сзади тоненько так вздохнули, и я расслабился. Ну конечно, это Натали. Везде свой нос засунет: работа у нее такая. Поворачиваюсь я к ней, смотрю сверху вниз. А она маленькая такая, худенькая, пробор такой ровненький в светлых волосах, платье, как всегда, длинное, темное. Смотрит на меня с укором, но Киловатыча, надо отдать ей должное, не зовет. А потом шепотом так меня спрашивает:

– Ты куда собрался, Соловьев?

Соловьев – это моя фамилия.

– Надо, – говорю, – очень, Наталья Анатольевна. А то разве бы я посмел? – и слышу, как щелкнул за спиной замок. Это дверь открылась.

– А правила внутреннего распорядка, Соловьев, для тебя не указ? – тихо так она спрашивает.

Главное, в таких случаях – не оправдываться, раз оправдываешься, значит, виноват.

– А кому они указ? – отвечаю. – Может быть, Чике и его компании? Или вон лидеру Евгении, которая что ни ночь, то нового мужика к себе в комнату тащит? Да и поздно меня воспитывать, все, вырос я уже, Наталья Анатольевна.

Она вздохнула снова так легонько, покачала головой. Ну тут я уже понял, что шум она поднимать не будет.

А она все смотрит, не уходит.

– Ты, Соловьев, учился бы лучше, – говорит, – чем по улице шататься. А то ненароком подстрелит тебя кто или того хуже – сядешь. И в библиотеку ты давно не заходил. Книги не сдал.

Как в воду глядела Натали! Но тогда я ведь этого не знал, тогда я о другом думал. О том, что мне надо спешить, если хочу на встречу с Джокером успеть. А книги? Ну что книги? Сейчас их никто почти не читает, ну разве такие, как я, которым денег не хватало на электронные издания и на программы всякие, чтобы из сети все выкачивать. Ну вот от нужды я и приспособился. Зачем тратить, если можно спуститься в подвал и там все на бумаге прочитать? Сначала читал, потому что денег не было, потом пристрастился. Сперва все больше художественную литературу читал, а потом за учебники старые взялся. За предметы, которые давным-давно исключили из школьной программы. Просто интересно было. Но теперь с книгами покончено. Навсегда.

Жалко мне вдруг стало Натали. Ну что она несет такое? Сама же знает: учишься не учишься, а все равно, кроме как через армию, никто из нас не достигнет ничего. А в армии сейчас такое дело – война. Кто не убит, тот инвалид. Зачем тогда вообще учиться? Про девчонок я вообще молчу. Для борделя даже азбука не нужна. Ну разве какой повезет и ее замуж возьмут. Хотя здесь в Москве интернатовских берут неохотно. Жилья нет, гражданских прав – никаких, работу хоро-

шую ни в жизнь не найдет. Зачем нужна такая жена? А знаете, каков процент самоубийств среди выпускников? Говорят, почти тридцать. Еще половина спивается и скалывается в течение нескольких лет. Остальные? Остальные кто на картогу, кто на поселение. Выживают единицы.

Очень я хотел стать одним из тех, кто выживет.

Но ничего из этого я Натали так и не сказал, да думаю, она и сама все это знала, иначе бы не радовалась так, что я в библиотеке пропадаю, а не в качалке или на улице. А ведь зря. Взял я ее за плечи, а плечики у нее худенькие совсем, словно недоедает, отодвинул в сторону.

– Вы, Наталья Анатольевна, не волнуйтесь так, я к отбою буду, вы лучше идите к себе в библиотеку, а то тут дует, простынете, – говорю ей.

А как тут дует? Жара на улице. Вот уж ляпнул так ляпнул! Ну она постояла и пошла. И понял я тут почему-то, что не сдаст она меня ни сейчас, ни потом. Жалко ей меня. Тоже мне, нашла, кого жалеть! Лучше бы себя пожалела. Сидит целыми днями в подвале в этом, а ей, наверное, тридцатник уже, еще пять лет и стареть начнет. Так и останется старой девой, как эта жирная Ираида.

Но тут я толкнул плечом дверь и вышел в переулок. Чтобы камеры не засекли, я капюшон накинул, очки темные надел, прошел по стеночке за угол, там через забор сиганул на тер-

риторию соседнего госпиталя, а потом пробежал через широкий госпитальный сад, снова через забор махнул...

Остановился я только тогда, когда два квартала отбежал. Теперь можно было никуда не спешить, чтобы не привлекать лишнего внимания. Да и Чика с дружками тусовались обычно рядом с интернатом, тут их, конечно, тоже можно было встретить, но уже по одному. А по одному они опасности не представляли.

А потом я свернул на Уральскую, там из подвала одной из пятиэтажек вытащил свой велосипед и кое-какое снаряжение: так, по мелочи. Ну сложил снарягу в рюкзачок и дальше покатил – к Партизанской, там в Измайловском парке, у приметной скамейки под старым каштаном и была у меня назначена встреча с Джокером. Отсюда мы должны были идти к центру уже понизу. Так было безопасней, да и на улицах на патрули можно было нарваться. А кто мы такие здесь, в городе? Никто. Даже каунтеров нет. Арестуют нас, да и все.

Джокер уже ждал меня в парке, сидел на спинке скамейки в условленном месте, курил свои черные сигареты. Дым у сигарет был почему-то зеленый. И чего он туда добавлял? Красителей? Меня увидел, окурок в урну бросил, в этом он всегда чистюлей был, со скамейки спрыгнул, закинул рюкзак за спину, и мы вглубь парка потопали. Там, в гуще кустов, был вход в технические тоннели – узкий бетонный лаз. Кроличья нора да и только. Ну мы туда и нырнули по оче-

реди. Сначала Джокер, а потом, несколько раз оглянувшись вокруг, – я. Я и тогда, и сейчас готов поклясться, что не было там никого, и никто не видел, как мы туда спустились. Наощупь враспорочку мы слезли в более широкий коллектор и пошли, пригнувшись, к Семеновской. Идти нужно было долго, и поэтому Джокер торопился. Мы почти не разговаривали. Тут под землей разговаривать – себе дорожке станет. Да и о чем? У Джокера свои дела, мои неприятности его не касаются. А мне о чем его спрашивать? Все равно толком ничего не расскажет.

А подземка своей жизнью жила, под ногами мутная водичка стекала, пованивало, надо сказать, изрядно. То тут, то там по коллекторам гудело и шумело. Да и сверху тоже грохотало, как следует. Ну сверху – это шоссе, если снизу, то почти на сто процентов – подземка. Тут ведь не обязательно гудит только там, где нормальные поезда ходят, тут всякого уже понастроили. Говорят, от банка к банку уже по личной подземке банкиры добираются. А вот если звук со стороны идет – это оно, подземелье, подвывает.

Но Джокеру эти звуки были до фонаря, да и у меня нервы крепкие. В рассказы про гигантских крыс, крокодилов и черных диггеров я не верю. Основная опасность здесь – это, конечно, темнота, испарения и бюреры. В темноте можно свернуть шею, от испарений – задохнуться, а бюреры стреляют на поражение. Ну еще можно застрять, или тебя может

смыть, если наверху ливень пройдет. Так что, сами понимаете, ухо все время надо держать парусом, а то можно и не вернуться.

У Семеновской Джокер медленнее идти стал, все на часы поглядывал. А я и не торопил его. Тоннели метро бюреры то и дело обходили, и расписание этих обходов Джокер знал, как свои пять пальцев. Меняли расписание редко. Конечно, в тоннеле метро камеры слежения были, но тут такое дело: от камер нас спасали капюшоны и респираторы, а пока бюреры до нужного участка со своих постов добегут, нас уже и след простыл! Пойди найди нас среди тоннелей, переходов, лазов и канализационных стоков. Нет, ну периодически диггеров подстреливали, такое случалось, поэтому-то их и называли смертниками. Но Джокер ведь не новичок, сколько раз ходил, и все удавалось.

А тут нас словно ждали! Нет, я это фигурально говорю, что ждали, такого быть не могло. Откуда они могли знать, что мы пойдем? Ниоткуда. Значит, нарвались мы на них случайно. Или часы обхода поменяли. Не успели мы из коллектора вылезти, через рельсы метро перебежать и подняться по лестнице на техэтаж, как я услышал: бегут.

Топали они сильно, да и эхо в тоннелях, сами знаете, неслабое. Было их двое. Ну это я думаю, что их было двое. Может, больше было. У меня времени не оставалось их рассматривать. В этот момент Джокер уже наверху был, а я еще

по лестнице поднимался. Ну я, как их услышал, так птицей на площадку взлетел, там такая решетка была устроена – от пуль точно не защитит, а потом мы метнулись в сторону и полезли в другой коллектор.

А коллектор, собака такая, узкий, там только-только ползти друг за дружкой, а тут – такие дела!

Ну Джокер сиганул головой вперед да и был таков. Я – следом. Но видать, загремел я решеткой этой, когда отталкивался, ну и полоснул кто-то из бюреров очередью навскидку.

Адреналину у меня в крови в этот момент было литров сто, наверное, не меньше! Я услышал, как пули по стене совсем рядом чмокают и как рикошеты от решетки визжат. Так быстро я никогда ползал! Я то и дело подталкивал Джокера, ботинки его все время под руками мешались. Но я точно знал, если я буду в коллекторе, когда они по лестнице наверх поднимутся, мне конец! А может, и Джокеру тоже. А коллектор, как назло, был такой длинный и все время вниз уходил, и я уже подумал, что все, отбежался Шурыч по земле, как вдруг Джокер впереди исчез, а потом и я куда-то вниз вывалился. И тут же сзади еще раз очередью хлестануло. Я в вонючей луже распластался, думал, сейчас мне конец придет, но обошлось.

Мы какое-то время полежали, фонари выключив, послушали, не полезут ли они за нами, но бюреры у коллектора потоптались, пустили в него еще одну очередь, видимо, для острастки, а потом все затихло. Может быть, они просто жда-

ли, не зашумим ли мы, но мы же не новички какие-нибудь. Сидели тихо.

Хорошо, они гранату не кинули! Гранаты они здесь, под землей, кидают редко, но все же бывает.

Потом я включил свой фонарь на самый тихий ход, и мы потихоньку от коллектора отползли, а потом, пригнувшись, подальше отбежали.

– Ни фига себе! – говорю я, когда мы уже далеко были.

Джокер со своим фонарем возился, и я в этот момент его хорошо разглядел. Он был до смерти напуган, но виду не показывал. А уж я-то как перетрусил! А тут еще Джокер и говорит:

– Да тебя зацепило, брат!

Я вниз посветил, а у меня гача мокрая от крови. Ну тут мне самому плохо стало. Но я сказал себе: «Стоп, Шурыч! Если сейчас размажешься, как потом выбираться отсюда будешь?»

А ведь мы еще и половину пути до места не прошли!

Ну отошли мы еще немного, потом остановились, я гачу задрал, пощупал. Вот ведь фигня какая! И неглубоко чиркнуло, а больно и кровищи! Целое море! Джокер аптечку вытащил, я кое-как кровь бинтом стер, ногу перебинтовал как мог, сверху скотча наклеил, чтобы повязка не упала. Хотел дальше идти, да Джокер пристал, как детская резинка-липучка: съешь таблетку да съешь, а то заражение будет. А чем

запить-то? Джокер дал мне свою бутылку с водой. Сунул я ее, эту таблетку, в рот, нет бы проглотить сразу, так она здоровая! Ну я ее и раскусил.

Лучше б я этого не делал! Потому что вкус у нее оказался!.. У меня разве только пена ртом не пошла, как у Ираиды, когда она беситься. Но делать нечего, собрал я волю в кулак, проглотил эту гадость, запил водичкой и поплелся следом за Джокером, стараясь не думать о том, что именно мне вкус этой таблетки напоминает.

Ну да ладно. Это не самое страшное, что может произойти с человеком.

Дальше мы стали спускаться все ниже и ниже, чтобы под Яузой пройти. А вода в коллекторах становилась все выше и выше, и нам ОЗК* пришлось надеть. Как Яузу миновали, так полегче стало. И коллекторы посуше и потолки повыше, и даже вони вроде бы поменьше, ну а вскоре мы на место притопали. Мы с Джокером тут уже как-то бывали. Ну не прямо здесь, а рядом, в соседнем тоннеле. Я даже и не знал, что тут дальше лаз есть. Узкий, правда, но мы протиснулись и оказались в каком-то старом переходе. Кладка кирпичная, высокая, а пол сухой. А в полу несколько колодцев. Видимо, Джокер и раньше туда лазал, но раньше там скобы железные были, а сейчас там сгнило уже все, ухватишься за скобы, а они обрываются. А внизу темнота и ничего не видно.

Джокер противогаз надел и туда полез. Пока он спускался, я его веревкой страховал. Спускался он долго, у меня, наверное, метров двадцать веревки ушло, а потом она ослабла, и я понял, что он до конца долез. Пошарился он там немного, слышу: обратно лезет. Ну вылез, противогаз снял, потом пояс страховочный отстегнул. Я смотрю, а в руках у него ничего нет. А он и говорит:

– Ну вот, нормалек! Можно обратно топать!

Свернули мы веревку, сложили ее обратно в рюкзак, а я все думаю, чего же он оттуда вытащил, что в руках у него пусто? Класть он в тайник точно ничего бы не стал, зачем тогда мне этот тайник показывать? Значит, что-то забрал. Конечно, не моего ума это дело, и уговор есть уговор. Ножик – мой. А что мне еще надо? А надо, чтоб в меня не стреляли, да живым до общаги добраться!

Потопали мы назад. Пришлось в сторону уйти, чтобы через Семеновскую обратно не возвращаться. В принципе, бюреры все входы и выходы в подземелья наверху давно перекрыли, но Джокер ушлый диггер, у него то там, то здесь запасные лазы есть. Сунулись в один, ближе к Преображенской, а там перекрыли все! Решетки такие хитрые – не только выход закрывают, но и еще сигнал подадут, если кто вздумает взламывать. Сигнал Джокер, допустим, отключить сможет, но открыть-то ее как? Лома у нас нет. Пилить напильником? Да помрешь, пока перепилишь. Пришлось нам все-таки возвращаться к Измайловскому.

Линию метро мы пересекли в другом месте, бежали так, словно бюреры уже за нами по пятам гнались. Обошлось, но все зря. В своей родной, в своей до боли знакомой норе нас тоже ждала новенькая решетка! В общем, снова-здорово! Было похоже, что кого-то бюреры сегодня ищут, и поэтому объявлен всеобщий шухер. А мы просто попались под горячую руку. Велосипед мой, который я в кустах оставил, наверняка сделал мне ручкой.

Но велосипед – не жизнь. Другой соберу.

Я тут было приуныл, но скиснуть мне не дал Джокер, он осторожненько так подлез к решетке, вытащил антенну так, чтоб ловило, связался со своими друганами по лаймеру. Оказалось, по официальной информации искали террористов, которые час назад взорвали торговый комплекс, по неофициальной – кого-то совсем другого. Но не нас. И то хорошо.

К этому времени я уже устал, как собака, ногу саднило, в животе от голода урчало. С обеда во рту ни крошки не было. А тут я еще понял, что до отбоя мне точно в общагу не вернуться. Но делать было нечего, надо было направо свернуть, на юг уйти, а потом по техническим коллекторам разного диаметра вдоль шоссе Энтузиастов почти до самой речки Серебрянки тащиться: там можно было через стоки на поверхность выйти. Ну я, понятное дело, шел и думал, что мы будем делать, если и там все перекрыто? Скитаться по подземельям мне было уже не в дугу, сдаваться бюрерам

тоже в планы не входило.

Но оказалось, зря думал. Выход свободен был. А возле выхода мы случайно схрон нашли. А в схроне чемоданчик. Открыли мы этот чемоданчик. А там – триметодол! Килограммов, наверное, семь! Это на вес, а если чеками считать, то я не знаю, сколько!

Закрыли мы с Джокером этот чемодан и пораскинули мозгами. Получалось, что это товар Чики или соседней банды, Лохматый у нее вожаком был. Это в Новогиреево. Но я-то склонялся к тому, что товар Чике принадлежит, потому что знал я, что он под крышей куратора этим самым триметодолом приторговывает. Да это многие знали, а кто не знали – те догадывались. Напару они травили этой дрянью всю округу, да и воспитанниками тоже не брезговали. То-то у куратора машины с каждым годом все дороже и дороже становились.

В общем, перепрытали мы триметодол. Чемодан оставили на месте: в нем мог быть маячок, а товар переложили в два пакета, они у Джокера в рюкзаке нашлись. Времени, чтобы найти новый тайник, потребовалось больше, чем думали, но что поделать, в городе мало мест, где можно тайник хороший устроить. Пришлось для этого через ливневку за МКАД уйти, там технопарк заброшенный был. В канализационном колодце мы все и спрятали. Колодец был старый, от тепло-трассы отключенный, бомжи там не жили, натоптано не было, я внимательно все осмотрел. Спрятали в глубине, сверху всякого хламу нагребли, не должны были его найти. Пред-

варительно пришлось проверить упаковки на наличие маячков, но я ничего не нашел. Оставалось надеяться, что там и в самом деле ничего не было. А потом мы обратно вернулись, в пруде кое-как грязь отмыли и лесочком обратно потопали. У Измайловского Джокер отдал мне свой ножик вместе с ножнами, пожал руку, хотел было уйти, да в последний момент передумал.

– Обожди, – говорит, – чуток, – и сам за пазуху лезет.

Вытащил он оттуда маленькую такую шкатулочку. Шкатулка сама деревянная, резная, от времени темная, перевязана шнурком, чтобы не раскрылась. Развязал он шнурок, шкатулку открыл, а там какие-то бумажки были, фотографии, маленькие такие рисованные портреты и несколько крестиков разной величины. Джокер и вытащил оттуда один такой на цепочке.

А я сразу понял: такие крестики конви носят. Я башкой замотал, мол, не надо! Меня же спалят с этим крестиком сразу, пусть он хоть какой дорогой будет! Но Джокер и без того все понял, он крестик отцепил и себе оставил, а мне цепочку отдал. Цепочка серебряная, не очень дорогая, но все-таки ценная. Я ее посмотрел: плетение у нее такое интересное было, наверное, старинная.

– Ладно! – сказал я, подарок принял, попрощались мы с Джокером, а потом расстались.

Смеркалось уже. Идти за велосипедом я не рискнул, вдруг

там бюреры топтунов оставили? Да и не было его уже, наверное, на месте. Забрали.

И я пешком потащился со своей раненой ногой до интерната. Шел я и особо не таился, потому что меня мысли занимали. А мысли были такие: если в этой коробочке, которую Джокер так бережно хранил у самой груди, ничего, кроме крестиков и старых фоток не было, и если коробка эта была так важна для него, значит, Джокер был конви. То есть, его родители были конви, поэтому он так и срезал каждый раз Ираиду, которая ненавидела и самих конви, и веру их так, словно они сделали ей что-то такое, чего и простить нельзя. Но Джокер не был ни неудачником, ни дураком, короче говоря, не подходил он под тот образ конви, который нам втюхивали в интернате с утра до ночи. Он был крутым пацаном. Реально крутым. Я-то знаю, о чем говорю. Однажды он и меня вытащил, как я тогда Шнурка: я наглotalся испарений и чуть коньки не отбросил в одном из проходов недалеко от Курской. После этого я под землей всегда носил с собой противогаз.

Ну вот иду я так, мысли про себя гоняю и незаметно для себя к интернату подхожу. И тут вижу такую картину: в переулке у общаги стоят трое бандючат из группировки Чики, и к стенке девчонку прижимают. А присмотревшись, я понимаю, что девчонка эта – Маришка. Хоть и темно уже было, а сразу стало ясно, что это она: и рюкзачок такой яркий, со светоотражающими полосками, и джинсы светло-зе-

ленные – ее. Тут я остановился и обо всем забыл, что в этот день было: и про Длинного, и про Джокера, и про ногу – тоже забыл. Ничего не чувствовал, кроме того, что кровь закипает.

Понятное дело, мне против них не выстоять ни в жизнь, покрошат меня, как повариха Михайловна – картошку на кухне, но только мне все равно стало. Я только увидел, как один белобрысый ее зажимает и ржет при этом, а она сжалась вся, но даже пикнуть не смеет, знает, что никто ей не поможет, даже Натали. И только озирается беспомощно.

Маришка, Маришка, ну что же ты делаешь на улице так поздно?

Я рюкзак на землю бросил и к ним пошел. И остался у меня только ножик. А ножик у Джокера, в самом деле, хороший: им крокодилов в Африке мочить можно, не то, что с бандюками разбираться. На паранг* похож.

– А ну, – говорю я белобрысому, – пусти девчонку.

Он обернулся ко мне, рожа у него гнусная такая, скалится. И тут я увидел, что никакой он не белобрысый, просто волосы крашенные, а сам смуглый.

– Че, – говорит, – твоя, что ли? – и смотрит на меня так нагло, думает, сейчас потеха начнется.

– Не моя, – говорю, – но и не твоя, мордой не вышел, – и чувствую, что меня колотит всего. Не было такого со мной ни разу.

А они, видать, сразу поняли, что меня колбасит, и вообще расслабились, переглядываются. Они-то решили, что я боюсь, но лезу, вроде как рыцарь печального образа, а я, если и боялся, то только за нее. И мне лишь бы к нему поближе подобраться. А он не понимает, наоборот, ждет, когда я подойду, думает, что сейчас из меня грушу сделает, да еще и девчонку мою потискает, если не хуже. В общем, удовольствие хочет получить по полной.

Но не в этот раз! В этот раз я вытащил нож Джокера, когда до белобрысого оставалось всего два шага, и увидел, как выражение его глаз изменилось. Я еще шаг сделал, и он Маришку выпустил и отступил.

– Беги! – говорю я Маришке, и она с места рванула, словно с высокого старта в забеге на шестьдесят метров на уроке физкультуры.

А я с белобрысого глаз не спускал до тех пор, пока она до интерната не добежала. Двери, конечно, уже зарыты были, но я слышал, как пожарная лестница загремела. Значит, добралась.

– Ну и что ты будешь делать? – ухмыльнулся белобрысый. – Резать меня? Давай! Тебя Чика или Ромберг потом порвут, а до девки твоей я все равно теперь доберусь! Моей будет! – он явно дразнил меня, но я вдруг отрезвел.

Ромберг – это куратор. Резать белобрысого нельзя было. И что теперь делать, тоже было непонятно. А они окружили меня. Я несколько выпадов сделал, чтобы не подошли

близко, но сразу ясно стало, что долго мне не продержаться. Даже если Маришка скажет Длинному, он сюда добежать не успеет. Да и скажет ли она, неизвестно. Зря я, конечно, ввязался, недаром Ираида на уроках все мозги вынесла по поводу того, что главное для каждого человека – это он сам. Его жизнь. Но не всегда у меня получается жить так, как учат. Поэтому-то и точит на меня зуб Чика. И наверное, пришел бы мне тут конец в том смысле, что порезал бы я белобрысого или кого-нибудь из его корешей, потому что если уж выбирать – я или они, то я бы себя выбрал. Пусть, как говорится, тебя двенадцать судят, чем шестеро несут. Другое дело, что судить меня не будут. Закуют в наручники и свезут по-тихому в централ. И все. Нету больше Шурыча. А жаль, хороший был парень!

Но тут он появился. Здоровенный такой дядька! Уж на что наш вохровец амбал, но этому дяде он чуть ли не по плечо будет. При этом в руках у него ничего нет, но вид такой, что если встанешь на пути, то все, – считай, в живых нету. И нож ему для этого не нужен. А одет этот здоровяк в военную форму, которой, конечно, никого не удивишь, но при этом всем ясно, что носит он ее чуть ли не с рождения. По праву. Голова у него бритая налысо, а на шее черная такая татуировка, и при этом не сразу разберешь, что нарисовано. Так многие сейчас делают. Специально. Я, конечно, думал, что он мимо пройдет, я бы, наверное, прошел. Кому интересны четы-

ре пацана, которые между собой решают, кому жить, а кому сдохнуть? Да и опасно сейчас вступать в такие разборки. А он не прошел, рядом остановился. Стоит, смотрит.

А троица эта вроде занервничала. На него оборачиваются. Непонятно им, чего это он остановился. То ли им помочь хочет, то ли мне. Да и свидетели им не нужны, тем более не с интерната. На своих-то нажать, если что, можно, а как на такого нажмешь? У него такой вид, что он завтра сам к тебе с пулеметом домой придет! И попробуй, не пропусти! А секунды-то идут, а мне только того и надо, есть у меня еще надежда, что Длинный успеет до меня добежать. А тут здоровяк и говорит. Тихо так говорит, но почему-то всем отлично слышно:

– Помочь, что ли? – я думаю, он это мне сказал.

– Да иди ты! – огрызнулся белобрысый. И добавил еще кое-что из непечатного, наверное, с испугу.

Зря он так сказал. Не знаю, как здоровяк это проделал, но в следующий момент он оказался рядом с белобрысым, нож перехватил, который белобрысый вытащил, и руку ему так вывернул, что белобрысый, взвизгнув, носом в асфальт уткнулся. Его дружки дернулись сначала да передумали, на месте затоптались, а потом и вовсе подальше отбежали. А нож из руки белобрысого выпал, об асфальт звякнул. А здоровяк ножик этот поднял и мне кивает:

– Чеши, – говорит, – до общаги, братишка. Ты же здешний, да? Ну беги.

А мне два раза повторять не надо! Если уж дали шанс, я им воспользуюсь. Ну я рванул, рюкзак на ходу подобрал, нож в ножны сунул. Только и подумал: вот бы мне такого брата! Чтобы мне отцом быть, он молод еще, а вот брательника такого не помешало бы. Ну я бегу и понимаю, что Длинного все нет. Ну ладно, думаю, может, Маришка ничего никому не сказала от испуга, девчонка же. А может, и нет Длинного в комнате, может, они уже где-то гуляют.

В общем, до общаги я добежал, за угол свернул, замок нащупал, открыл и проскользнул внутрь. А в полуподвале все так же: тишина и никого. Только дверь в библиотеку по-прежнему приоткрыта.

Я в нее заглянул, а там никого нет. Ну я наглости набрался, нож в рюкзак сунул, а рюкзак под кафедру подальше затолкал. Натали если и увидит, все равно ничего мне не делает. А Ромберг меня порвет за этот нож и за снарягу.

Поднимаюсь наверх, а на этаже у наших дверей Ромберг стоит. Меня ждет!

Справили, называется, отходную!...

Вот почему мне Длинный на помощь не пришел. У самого проблемы. Но оказалось, что Ромберг не Длинного ищет, Ромберг все-таки ищет меня. Увидел меня запыхавшегося, обрадовался. Лицо его круглое в улыбке расплылось. Сейчас треснет.

Видели бы вы его! Таких, как он, на выстрел к людям подпускать нельзя! Маленький, жирный, как какой-нибудь генерал Халифата, пузатый и при этом самодовольный, как Наполеон. И поговорить любит. И все улыбается, улыбается! Глазки узкие за стеклами очков щурит. Через пятнадцать минут у тебя скулы начинает сводить от его самодовольной рожи, а ему хоть бы что, он от этого кайф ловит. Думаю, их специально в БНБ такому учат. Чтобы других из себя вывести, и чтобы люди контроль над собой теряли и болтали то, что думают. Ну а Ромберг будет все это записывать, записывать, на ус мотать, потом влепит тебе в личное дело нелояльность к режиму или болезнь какую, и все – нет человека. Человека нет, а Ромберг – он вот, стоит снова рядом, ручки с золотыми перстеньками довольно потирает, новую жертву ищет.

– Где гуляем, молодой человек? – спрашивает он, очки на потном носу блестят от удовольствия, что он меня наконец-то прищучил. – Чего так запыхались?

– Да как, – говорю, – не запыхаться, как услышал, что вы меня ищете, прибежал со всех ног, герр Ромберг.

А сам судорожно так соображаю, где он мог меня искать, и где он меня искать еще не мог, то есть пытаюсь понять, что мне ему соврать. Но тут откуда не возьмись из-под моего локтя возникает лидер Натали и говорит таким нежным-нежным голоском:

– А воспитанник Соловьев занимался в библиотеке, го-

товился к тесту по психологии. Он ведь завалил последний тест, вот и занимается. Я разрешила. Вот только я не думала, что он будет заниматься допоздна. Воспитанник Соловьев, ну-ка сдать ключи от библиотеки! – командует она мне и смотрит прямо в глаза.

А мне куда деваться, мне же надо что-то делать. Ну я отдал ей ключ от двери, будь он неладен. И я доволен и она довольнехонька.

– В библиотеке? – Ромберг с трудом скрыл разочарование, но отступить не хотел. – А какую книгу читал воспитанник Соловьев так поздно?

А меня на такой ерунде не подловишь.

– Герр Ромберг! – отрапортовал я и даже по стойке смирно встал. – Воспитанник Соловьев читал книгу профессора Жмурова «Психология и психопатология», раздел о социализации психических больных с дивиантным поведением, – вот уж я ляпнул так ляпнул!

– Решили прочитать про себя, воспитанник Соловьев? – сострил Ромберг, но тут бровки Натали так возмущенно полезли вверх, что он отступился. Она, конечно, ему не противник, но тоже, если захочет, много неприятностей может доставить своими докладными. А ему, видать, сачково, знает, что рыло в пуху, то есть в порошке из триметодоловых таблеток.

– Ладно, отдыхайте! – скомандовал он и к лестнице пошел.

А Натали кулачком мне погрозила и тоже следом пода-лась. А потом обернулась, глаза круглые сделала, по лбу по-стучала и пальцем вниз тычет, в мою гачу. Увидела все-таки! Ладно, джинсы черные, да в коридоре полутьма...

Открыл я дверь в комнату и нос к носу с Длинным столк-нулся. Черные глаза у Длинного были, как два блюда. Еще бы! Я только что едва свободы не лишился.

А Длинный, натурально, обниматься полез. Я его даже по-нюхал, решил, что он пьяный. А он трезвый, как стеклыш-ко. Я-то думал, что они гуляют тут всюю без меня, а они, оказывается, ни-ни: сидели, меня ждали. А тут сначала Ма-ришка прибежала с воплями, что меня убивают, а сразу же за ней Ромберг пожаловал, словно учуял старый лис, что мне в самом деле вот-вот хана придет. Ну а как Длинный увидел на моей ноге стреляную рану, так вообще чуть не взвыл, что его там не было, а то бы он Джокеру башку бы открутил соб-ственными руками.

А при чем тут Джокер, если день такой невезучий?

Короче, через полчаса после ухода Ромберга к нам поти-хоньку Шнурок с Лысым пробрались, а потом и Серега при-шел. Ну мы выпили немного и поговорили, вообще хорошо так посидели. И всем нам было жалко, что Длинный уезжает. Хотя Шнурку с Лысым-то что, они все равно нас на два года младше. А вот Серега тоже пожалел, одноклассники как-ни-

как. Мы повспоминали, кого когда к нам в интернат привезли, и так получалось, что самый старый тут все-таки Длинный, потом еще пара человек, а потом уже я. А Чику сюда вообще привезли из ювенального СИЗО. Было ему тогда только двенадцать, и он уже одноклассника убил. Тот еще отморозок!

А Маришку сюда перевели за попытку суицида, сначала она год провела в Кашенко, а потом уже ее сюда родители сдали. Им, оказывается, некогда было дочерью заниматься. Ну-ну. Здесь-то явно есть кому ей заняться, только ни папочке, ни мамочке до этого уже нет никакого дела.

Бедная Маришка...

А потом я возьми и ляпни, что Джокер, по-видимому, из семьи конви. И все сразу замолчали. А Длинный мотнул головой и тихо так сказал:

– А знаешь, Шурыч, конви ведь тоже люди. Я их не знаю, и ты их не знаешь, как их можно за что-то осуждать? И кто знает, поставь их рядом, конви этих и Ромберга, кого бы ты выбрал?

Вот за это я и люблю Длинного, за то, что он всегда может все точки над «i» расставить. И всегда так: прямо тютелька в тютельку... Прямо все, как есть...

Но тут Серега и спрашивает, мол, все это так здорово Длинный сказал, а как все-таки по поводу терактов? Ведь конви мирных людей взрывают.

А Длинный вздохнул так и говорит:

– Не знаю я, Серега, но может быть, конви тоже разные бывают, а может быть, это вообще не они все взрывают?

– А кто тогда? – Шнурок и Васька так и подались вперед, послушать.

– Не знаю, – говорит Длинный. – Может, шпионы Североамериканских штатов, а может, китайцы. А может, – тут его голос упал до шепота, – такие как Ромберг, чтобы мы всех боялись и их слушались.

– Да ну брось! – сразу же закричал Серега и руками замахал. – Кому это надо, свой народ взрывать? Да это точно конви, я тебе говорю. Зуб даю! Не может быть такого, как ты говоришь!

Но тут я уже понял, что все мы пьяные, и что надо нам по домам, то есть по койкам, и посмотрел на часы, хоть и расплывалось все перед глазами. Да и разговоры такие разговаривать никому на пользу не шло. Может, сейчас Ромберг сидит в своей пыточной и слушает нас, дураков, а завтра придут комиссары из БНБ и загребут всю компанию.

На часах было три ночи. Хорошо, что сегодня дежурит лидер Натали, а то другие давно бы нас разогнали, еще и докладную бы накарябали. Но встать-то нам все равно надо было в семь утра, а спать осталось четыре, и мы потихоньку расползлись по своим комнатам и кроватям...

....Утром мы с Длинным расстались. Я в школу пошел, а он в комнате остался. За ним батя должен был приехать

в десять. Ну обнялись мы с ним, похлопали друг друга по спинам, а потом я хотел Длинному цепочку свою подарить, с подковкой. Хвать – а цепочки-то нету. Потерял. Ну, где потерял, теперь уже не найдешь, может, в подземке, может, когда ножиком махал, может, это плата такая за то, что я вчера живой остался. Но что-то подарить Длинному мне надо было, и я вытащил серебряную цепочку, которую мне Джокер дал, и подарил. А Длинный опять носом зашмыгал, да и я едва-едва сдерживался, как девчонки мы с ним, одним словом.

А потом я в школу ушел. Сидел я на уроках, смотрел на наших учителей, слушал всю ту чушь, которую они нам впаривали изо дня в день, про великих Патриархов и про то, какие мы теперь крутые, когда всех победили, и думал, что нет у меня больше друга...

Хоть волком вой.

А на второй перемене перед физкультурой ЧП случилось.

...Сначала никто ничего даже не понял. Просто словно прошло что-то такое по коридору, как сквозняк. А потом стало слышно, что где-то бегут, и сквозь стены уши такой пронзительный крик резанул:

– Димку убили!

И в классе вдруг тихо стало. Замолчал Серега, который бубнил что-то у доски, затихли девчонки у окна, всегда они там шушукались, даже когда учителя на них орали, просто

спасу никакого от них не было, и даже, кажется, все мухи, сонно жужжавшие на окнах, тоже замолкли. А потом снова как резанет по ушам:

- Димку убили! – и опять, уже другой истошный голос:
- Шнурка замочили!

А я даже забыл, что Шнурка Димкой зовут! Как же так? Всегда ведь знал, а тут – как из головы вылетело! И тут меня словно кто ударил, подхватился я, а вместе со мной еще пятнадцать человек класса. Как вылетел в коридор, не помню. Помню только, что из других классов тоже все бежали, а потом я на заднем дворе оказался. Охранник уже был там и махал руками, орал, что туда нельзя, но такую массу народу разве удержишь? Как они нас не затоптали, я не знаю. Толпа – сила: ни ума, ни совести, одни инстинкты. Ну тогда я как заору:

- Бобма! Под ним бомба лежит! Щас рванет!

Они и назад бросились так же быстро, как сюда прибежали. Но недалеко, там ведь новые ученики сзади подпирают. Всем охота посмотреть, как выглядит мертвый Шнурок, чтобы было потом чем малолеток по вечерам пугать. Но тут как раз все лидеры подросли и учителя, и директор прибежал и сразу орать начал, короче, оттеснили толпу. А мы с вохровцем рядом стоим, и вохровец смотрит на меня даже благодарно. А я и не смотрю на него, я на Шнурка смотрю. Он маленький такой, словно ему не четырнадцать, а только десять лет, в пыли лежит. Лицом в газон уткнулся, в траву, зна-

чит, зеленую. А в траве одуванчик растет. Конец августа, а он желтый, этот одуванчик. А еще под Шнурком пятно черное расплылось. А на курточке его, прямо на спине, лежит цепочка. Золотая такая цепочка, с подковкою. Моя цепочка.

У меня и без этого ноги ослабели, а тут и вовсе чувствую, земля куда-то в сторону едет. Вохровец этот посмотрел на меня и говорит:

– Шел бы ты отсюда, парень, а то белый весь.

Я и расслышал-то его не сразу, а как расслышал, так сразу и пошел прочь сквозь толпу. Да и вовремя, наверное, навстречу как раз Ромберг протискивался. Мы с ним едва не столкнулись.

А еще я в толпе глаза Маришки увидел. Она, оказывается, все это время рядом стояла и цепочку эту видела. И по глазам я понял: знает она, чья это цепочка. Ну а потом я шел куда-то, шел, а она меня догнала и просто рядом идти стала.

Я остановился, хотел ей улыбнуться, а у самого губы трясутся, ничего сказать не могу. А она вдруг взяла да и обняла меня, ну у меня совсем крыша поехала. Обхватил я ее, чувствую, трясет меня всего, и теперь уже не пойму от чего: то ли от того, что друзей у меня теперь совсем не стало, и самого, кажется, вот-вот пришьют, то ли от того, что чувствую через толстовку ее грудь. И еще тепло ее тела. А она лицо ко мне подняла и говорит:

– Ты хоть понял, Шурыч, что это тебе предупреждение?

А я, конечно, не отличник, но и дураком меня назвать

трудно. Прекрасно понял, откуда ветер дует. А у нее глаза такие, что сразу ясно: жалко ей меня.

И эта жалеет...

А чего меня жалеть, что я, больной, что ли? Я не больной и пока еще живой. И тут она меня поцеловала. В губы. Быстро так, я только и понял, что губы у нее теплые такие и пахнет от нее... Топлеными сливками.

– Спасибо тебе, – говорит, – Шурыч, – и снова на меня так глянула, что у меня голова закружилась.

Я ее даже оттолкнул легонько, чтобы в себя придти. А она, кажется, обиделась даже. Отвернулась сразу и ушла. И не обернулась ни разу.

А я голову поднял и вижу, что стою я уже рядом с Черкизовской, вон куда сгоряча умотал. Ну Маришка в сторону школы ушла, а я сначала шел вдоль торгового дома, а потом свернул направо, к переходу через железку, мне на Химушкина надо было, к Кутузову.

...Кутузов – это мой двоюродный дядя. Самый близкий родственник. Спросите, почему я тогда ничего о своих родителях не помню, раз двоюродный брат мамы до сих пор живой? Да потому. Не рассказывает он мне ничего ни о маме, ни об отце. Совсем ничего. Нормальная, говорит, семья была, как у всех. А откуда я знаю, какая она у всех? У меня же семьи нет. И ни одной фотки не сохранилось. Ни на бумаге, ни в лаймере, ни в сети. Чудеса, да и только! Хотя какой

с него спрос, с инвалида войны? У Кутузова ног нет, контужен, одного глаза тоже нет, потому и Кутузов. А по-настоящему его зовут Анатолий Рудаков. Живет он на пятом этаже в каморке под крышей. Комната четыре на четыре, кухня три на три, туалет с душем, плита на две конфорки. И пенсия – чтоб с голоду не сдох. Так что злой он, как черт, не подойди к нему, сразу ругаться начинает. Но иногда он напивается, и тогда с ним хоть поговорить можно. А еще он лаймеры чинит и разную старую технику. Меня терпит потому, что я ему иногда работу приношу или старые детали, которые по магазинам уже не найти.

Ну дотопал я до Кутузова, набрал его в домофоне. А он пьяный. Мне это даже на руку. Непонятно только, чего это он с самого утра начал?

Хотя, кто его знает, может, он и не заканчивал еще со вчерашнего!

Открыл он мне сразу, даже спрашивать не стал, зачем пришел. Глаза красные, волосы дыбом. Зато веселый. Оказывается, друг у него какой-то с фронта вчера вернулся. Живой и с деньгами. Подкинул Кутузову денег и обещал помочь с биопротезами. А то ведь как получается? Это по лаймеру завирают, что всем инвалидам войны ставят биопротезы, и бегают они на этих биопротезах, как будто и не воевали никогда.

Ерунда! От государства инвалидам ставят такие култыш-

ки пластиковые, на которых не то что бегать, спуститься с пятого этажа сложно. А чтобы биопротезы поставить, доплатить надо. Много надо доплатить. А откуда у инвалида деньги? Были бы деньги, разве пошел бы он в армию служить?

Но потом Кутузов все-таки спрашивает:

– Че приперся-то? Че надо?

– Да ниче, – говорю, – хотел насчет последнего лаймера узнать, когда готов будет?

Неделю назад я притащил Кутузову лаймер Васьки-лысого. Я сначала его Джокеру отнес, но что-то у них там с Васькой не заладилось, и Джокер отказался его ремонтировать.

– Готов, – говорит Кутузов, – твой лаймер, пусть друган твой гонит пятьдесят еврашек.

Еврашками у нас евразийские доллары называют. У меня денег с собой, конечно, не было, последние деньги я на чай истратил, зашел в магазин и чаю купил ему же, Кутузову, в подарок, чтобы подмазаться. И я осторожно так спрашиваю Кутузова:

– Можно, я лаймер сейчас заберу, деньги у Васьки возьму и принесу завтра?

Думал, он сейчас, как обычно, ругаться начнет, но у Кутузова настроение было благодушное. Махнул рукой.

– Бери, – говорит. – А принесешь ну завтра, ну послезавтра! Я подожду!

Никогда еще Кутузов таким добреньким не был. Ну, думаю я, хоть тут повезло. Выложил я ему на стол пачку с чаем

и говорю:

– Может, тогда чайку попьем?

А он обрадовался.

– Конечно, – говорит, – попьем, у меня и печенье есть, – и покатил на кухню, чай ставить. Очень он чай хороший любит.

А мне стыдно так стало, ну просто не вмоготу. Я же не просто так пришел, я же его обокрасть пришел!

Он как на кухне скрылся, так я на цыпочках к столу метнулся, открыл дверцу и в нижнем ящике нашарил то, за чем пришел, вместе с кобурой, посмотрел, чтоб на предохранителе был, а потом сунул его в карман куртки. Карманы у меня здоровые, ничего не видно. Судя по весу, пистолет заряжен был. А потом я лаймер под мышку сунул и на пороге кухни нарисовался, как ни чем не бывало.

– Знаешь, – говорю, – Толик, мне, наверное, идти надо, дело есть.

А он вдруг так повернулся ко мне на своей коляске и в глаза смотрит. И я вижу, что он все-все про меня понял. Услышал, наверное. И боль у него такая в глазах мелькнула, мелькнула и потом словно шторка в них опустилась.

– Ладно, – говорит, – иди, – а сам вздохнул так.

Никогда он при мне не вздыхал, да мы и не разговаривали почти. А потом, когда я уже в дверях стоял, он добавил:

– Ты, если что, его скидывай. А я заявление об утере сегодня подам. Если остановят, скажешь, нашел. Все понял?

Мне кровь в лицо бросилась от его слов. Я и не думал, что он все поймет, а он... Мне захотелось к нему на кухню вернуться, все рассказать, но я сдержался.

Вряд ли он был бы этому рад. Сейчас каждый – сам за себя. В общем, постоял я в дверях, постоял, а потом говорю:

– Толик...

А он с кухни откликнулся так устало:

– Чего?

– Мне бы каунтер... А лучше два.

Он помолчал там, на кухне, потом снова вздохнул. А потом и говорит:

– Я посмотрю, что можно сделать.

И я ушел. И дверь так тихонько за собой прикрыл, что и неслышно почти, только собачка щелкнула.

Очнулся я на улице. Стою, думаю, что мне дальше делать. Все карманы застегнул, чтобы ничего не выпало, капюшон накинул. Конечно, не хотел я, чтобы вот так жизнь моя повернулась, но видимо, не всегда человек решает, чему и когда быть. Столько событий, и все за два дня. Но за Шнурка я отомстить должен был. А значит, надо найти убийцу.

По Васькиному лаймеру я с Серегой связался.

Спросите, как так – все с лаймерами, а я – без? Да все просто: свой лаймер я продал в последние дни перед школой: надо было Ромбергу за следующий год оброк заплатить. Все лето батрачил в хозяйстве у какого-то ромберговского друга

в области, но денег все равно мало дали. Ну, на самом деле, все, конечно, Чике платили, а уж он потом Ромбергу отдавал. Но мы ведь не лохи, все и так прекрасно знали, куда бабки уходят. Так что я теперь безлаймерный.

В общем, связался я с Серегой. А Серега мне чего сказать может? Серега по-прежнему не в теме! Ну я так осторожненько у него порасспрашивал, мол, что там и как? Но бесполезно. Он мне еще рассказал так со вкусом, как мертвого Шнурка нашли, да как комиссаров БНБ набежало видимо-невидимо.

– Ну и откуда они понабежали-то? – спрашиваю я вроде бы невзначай, а сам ушки на макушке держу.

– Да че, откуда, – говорит. – На Щелковской знаешь управление ихнее? Ну вот оттуда. Это теперь их район.

– И че говорят? – спрашиваю я.

– Да че говорят! – злится Серега, – так и так, говорят, Сергей Валентинович, кто вашего друга убил мы не знаем, но обязательно найдем. Че, прикалываешься? Не знаешь, как бюреры допрос ведут? Да я рад был, что меня вообще выпустили! Там один сел в классе, по очереди всех вызывает и на полиграфе проверяет. А ты-то куда делся? – вдруг сообщил Серега. – Че-то тебя видно на последних уроках не было. Опять удрал? Ты чего творишь, тебе ж кранты придут, если еще одно замечание будет! Да и бюрер этот тебя сразу на заметку возьмет. Был – и нету!

Ну я ему и отвечаю:

– Ты, Серый, кончай бухтеть. Приходи лучше сам знаешь куда, дело есть.

Есть у нашей компании свое место, где мы встречаемся, если что-то произошло или просто одному побыть надо или еще какие проблемы. Это тебе не «Скала советов» в актовом зале, куда нас в детстве лидеры заманивали, это только наше.

Называем мы это место «Закат». Наверное, уже и так понятно, что видно оттуда, как солнце садится. На крыше это. Недалеко от интерната девятиэтажка стоит. Вот туда-то мы и пробираемся. Там несложно. Это со стороны кажется, что лестница высоко над землей болтается, но там сначала по стенке залезть можно, там есть несколько уступов. Да и потом не особо сложно. Ну конечно, страшновато, но терпимо.

Зато посторонние туда не лезут. Дом этот нежилой, там какие-то конторы производственные расположены, в общем, никому нет дела до этой крыши. Вот если бы там офисы банка были бы или еще что-нибудь такое, тогда конечно, сделали бы на крыше кафешку для сотрудников или пентхаус для начальства, а так никому не надо. А столовка у них вообще в подвале. Ну правильно! Работяг так и надо – в подвал, чтоб света белого не видели.

Ну короче, крыша наша.

Там даже будка стоит и переночевать можно, если что. Через полчаса мы с Серегой и встретились возле этой девяти-

этажки.

Он и спрашивает меня, че, мол, случилось, а я чего ему ответчу-то? Правду сказать? Оно ему надо?

Я и говорю.

– Да все нормально. Будь другом, притащи мне вещички из комнаты. И еще у Натали рюкзак мой забери. Я его вчера в библиотеке оставил.

Сергеа помолчал, а потом и говорит:

– Ты че, Шурыч, ноги решил сделать? Как Джокер? Тебе-то куда ломиться? У Джокера знакомых полный город, а ты тут кто? Тебя бюреры отловят и сожрут. У тебя же ниче нет, ни каунтера, ни айкеда, ни бабла!

– Ты, Серега, – отвечаю я ему, – главное, шмотки принести, а там поглядим.

– Хорошо, – говорит он. – Принесу.

Ну он ушел, а я сижу на скамейке и дальше соображаю. То, что меня на занятиях и в интернате нет, это бюреры уже вычислили. И то, что цепочка это моя – наверняка уже тоже. Цепочку эту и Васька-лысый хорошо знал, да и Маришка тоже ведь, как бы ни старалась, на полиграфе не соврет. Это целое искусство – на полиграфе врать! Так что про меня они уже знают. Другое дело, что я все это время на виду был и повесить на меня убийство Шнурка они не смогут.

Да и дело такое: они же не Ромберг, они правду искать начнут.

А мне сейчас главное им не попасться, а то они все мои

планы из меня в момент вытрясут. А планов у меня много было!

Сейчас мне было интересно выяснить, чей же это триметодол? Если это товар Чики, то он у меня попрыгает, а если Лохматого, то прыгать уже мне придется. Про Лохматого такие слухи ходят! Ни дай Боже ему дорожку перейти! Хотя и тут тоже есть варианты.

...Посидел я еще немного, подождал, пока нога отдохнет хоть немного, и пошел в район Лохматого на «точку». «Точка» – это где триметодола или другой дряни можно купить. Триметодол самый популярный сейчас наркотик, хотя от него некоторые в два месяца загибаются. И не лечится это совсем. Я знаю, я пробовал Михася остановить. Ничего у меня не получилось, и ни у кого еще не получалось. Если человек этой дряни попробовал – все, нет человека! Вот за Михася я тогда и дал Чике по морде. Целых два раза успел ему навернуть, пока меня не оттащили. Если бы это видели воспитанники, мне бы сразу конец. Но видели это только Ромберг, Натали, Ираида и вохровец.

Доказательств тогда у меня не было, ничего, кроме слов Михася, а с Михася – какой спрос, он тогда уже остывал в своей комнате, но я точно знаю, что был прав тогда! В общем, не привело это ни к чему. Михася в морг увезли, а меня в карцер вонючий посадили на две недели. А через две недели начались каникулы, и Чика куда-то свалил, наверное, ро-

дители отправили в санаторий, нервы подлечить. Он же у нас нервный! В лечении нуждается. В витаминах и усиленном питании! Так что я в живых тогда чудом остался. Но сейчас он со мной точно разберется.

Выглядел я к этому времени соответствующе: хромаю, голодный и ни одной ценной вещи с собой. Лаймер из-под куртки выпирает, словно я его барыге тащу.

Подхожу я к точке на Первой Владимирской, а мне на встречу Рамирес прет. Рамирес раньше в нашей школе учился, мы с ним даже дружили немного, ну если это можно было назвать дружбой, мать его была сильно против интернатовских друзей, все за него тряслась. А вон как получилось: он из школы после шестого класса вылетел. С тех пор и не учится, всякую фигню продает. Но с дурью не связывается, так, по мелочи, сигареты да другую контрабанду. Увидел меня, так и кинулся ко мне со всех ног. Я думал, это он удивился так, что меня здесь, на точке, увидел, а он оглядывается, меня за рукав цапнул, за угол затащил и шипит мне так страшно:

– Ты че, Шурыч, совсем с катушек слетел, сюда притащился?

Акцент у Рамиреса смешной такой, испанский уж там не испанский, не знаю, одним словом, с запада парнишка приехал.

– А че, – спрашиваю у него, – случилось?

– А ниче, – говорит, – ищут тебя!

И только он это сказал, как видим: с Энтузиастов на Владимирскую поворачивает кортеж из клинкартов* и машин. Все черные и у каждого желтая знакомая эмблема – грифоны и буквы «БНБ».

И тут вдруг Рамирес как заорет: «Бежим! Бежим!»

Ну меня уговаривать не надо, ломанулись мы с ним через лесок, только забежали за угол ближайшей девятиэтажки, как слышу: сирена завывала, а потом люди позади нас, на улице которые стояли, один за одним стали на землю да на асфальт оседать. Это бюреры прибор специальный врубили, «Торнадо» называется. Все в радиусе действия прибора падают без сознания. Очень удобная штука. Как его изобрели, так митингов и демонстраций больше не стало. А зачем собираться? Приедет такая вот машинка с приборчиком, положит всех без крови и без шума и – кого за Полярный круг, работать на благо корпораций и банков, а кому срок дадут. Здорово придумано, правда?

Так что спасибо Рамиресу, а то и я сейчас лежал бы в лещочке, ждал бы комиссаров!

И тут я понимаю, что они, наверное, выследили меня по Васькиному лаймеру. Там ведь на некоторых спутниковый маячок есть, автоматически местоположение владельца определяет.

Ну скинул я его в урну у девятиэтажки, да мы дальше рванули. Голова, конечно, кружилась, и я даже споткнулся пару

раз, а потом даже упал, ободрал ладони на асфальте, наверное, и нас немного зацепило. Но мы все-таки убежали. А потом отдышались и пошли так спокойно. Во-первых, здесь камер полно, хоть их Рамирес со своими ребятами и сбивают периодически. А во-вторых, народу кругом много, зачем внимание привлекать? Мы сначала от шоссе вглубь дворов ушли, а потом снова к нему вернулись, как ни в чем не бывало встали недалеко от метро, народу море, как раз все с работы возвращаются, так что минут пять здесь можно было простоять, не опасаясь, что к тебе патруль подойдет.

– Ты че натворил? – спросил, отдышавшись, Рамирес. – Чику наконец грохнул?

– Куда там, – отвечаю я ему, – Это Чика Шнурка замочил! Рамирес так рот и открыл.

– А откуда знаешь, что это Чика? Сам видел или как? – спрашивает.

– А кто еще? – отвечаю. – Некому больше.

– Да ты че? – шипит Рамирес и ко мне близко-близко так наклоняется, а от него контрабандным табаком воняет, как из помойки. – Ты вообще не в курсе? Тут же вся округа на дыбах стоит! У Лохматого пару дней назад кто-то чемодан с дурью спер! И он вроде как из-за этого с Чикой схлестнулся и еще тут кое с кем. Грядут большие перемены, бра-тишка. Так что ты подумай, может, твой Шнурок Лохматому стучал? Или наоборот? Или еще что-нибудь такое?

Да, хоть Рамирес и окончил только самую начальную школу, а ума у него, видать, побольше, чем у меня. Ну с другой стороны, он на улице все время, а я, как дурак, все по библиотекам сидел, книжки почитывал. Нет бы сразу сообразить, может, Чика товар у Лохматого спер, да в свой тайник переложил? А уж потом мы с Джокером на него наткнулись?

И тут еще одна теория вырисовывается: вдруг я потерял цепочку с подковкой у этого чемодана, а кто-то, – теперь уже не разберешь, Чика или Лохматый, – решили, что это владелец подковки чемоданчик спер? Подковка-то Шнурку раньше принадлежала, это же многие помнили. Выходит, что все-таки Чика? Убил, чтобы не совали нос, куда не следует? Или чемодан вообще тут ни при чем, а все из-за Маришки?

Короче, без пива не разберешься!

Я и спрашиваю Рамиреса:

– Если че, как на Лохматого выйти?

А он смотрит на меня, как на ненормального.

– Если че, – говорит, – он сам тебя из-под земли достанет и порежет на лапшу, и лапшу эту Анжелине скормит!

Пол-Москвы знало, что Анжелина – это бультерьер у Лохматого. Генномодифицированный! Та еще тварь. Зубы, как у динозавра! Дорогая причем, таких только очень богатые люди могли себе позволить. Ага! Или бандюки, вроде Лохматого.

– Я в курсе, – отвечаю, – но мало ли, вдруг мне с ним поговорить захочется?

– Не говори потом, что я тебя не предупредил! Хотя... Ты потом уже никому ничего не скажешь! – усмехается Рамирес. – Иногда Лохматый по вечерам заезжает к «Снежане». Только кто тебя туда пустит?

А «Снежане» – это такой известный на всю округу клуб знакомств. Это так теперь бордели называют.

– Ладно, – говорю я тогда Рамиресу. – Спасибо за все, брат. Будь!

Короче, мы с ним расстались, и я обратно к «Закату» потопал. Хотел я у Рамиреса денег в долг немного попросить, чтобы хоть поужинать, но совестно стало. Он и так меня вон как выручил! Спасибо ему за это, век не забуду!

В животе у меня уже урчало, пить хотелось, и одна надежда оставалась, что Серега догадается с вещами мне еды хоть немного принести. Обычно для беглецов мы сами скидывались и покупали, кто что мог.

Пришел я к «Закату» как раз вовремя – полюбоваться, как солнце садится. Сразу лезть вверх не стал, немного походил кругом, посмотрел, за крышей и за домом понаблюдал, все вроде нормально было, потом вверх полез. Конечно, думал там просто вещи свои найти, разве Серега будет меня так долго ждать? А там меня Маришка ждет!

Уж как она сюда поднялась, не знаю. Я, когда в первый раз сюда лез, а было это года три назад, перетрусил так, что руки потом весь вечер тряслись. А она залезла, да еще с моим

рюкзаком за плечами! Но самое трогательное было, знаете что? Что она там уснула!

Там такая скамейка стоит рядом с будкой. В будке мы логово устроили, а на улице, как раз чтобы на закат смотреть, скамейку соорудили. Мы тут вчетвером даже день рождения отмечали. Я, Длинный, Серега и Шнурок. Да... А теперь остались только я да Серега.

И я почему-то сразу понял, что Серега идти сюда не захотел. Забоялся. Он всегда был осторожный, как бы чего не вышло. Ну да кто его судить будет? Ему тоже как-то жить надо. А вот Маришка не побоялась, хотя знаю, сама на веревочке держалась, я как-то слышал, что Ираида советовала Ромбергу ее в централ упрятать. А она мало того, что вещи приперла, еще и наверх залезла!

Ну я сел рядом с ней прямо на бетон, смотрю, как она спит. А она хорошенькая такая... Вообще, она красится. Сильно. Иногда такое намалует, что поди разбери, где у нее что. Еще волосы распустит, так что и лица-то не видно, одни глаза черные сверкают. И на руках много-много браслетов. Но один раз я с ней столкнулся в душевой и в первый раз тогда увидел без грима этого дурацкого. В халатике... Волосы влажные и пахнет нежным каким-то мылом девичьим, наверное, ей все-таки присылали из дома. И понял я тогда, какая она на самом деле!

Красивая...

Вот и сейчас косметики на ней почти нет.

Кожа нежная, тонкая, а на лбу у самых волос – пушок золотистый. Ресницы длинные, брови почти не выщипаны. А волосы темные, тяжелые, как у цыганки, повязаны красной банданой с узорами, а носик такой зазорный, и губы пухлые. Хорошо, что без помады. И вся она такая нежная, худенькая, кожа аж светится, и замирает где-то в горле все.

Я ее сначала поцеловать хотел, а потом передумал. Во-первых, не очень-то умею. А во-вторых, пусть спит! Я рюкзак, который она принесла, к себе подтянул, замок расстегнул, стал вещи из него выкладывать да по карманам шарить. А там, в верхнем кармане ключ лежит от полуподвала! Это его Натали в рюкзак сунула. Видимо, надеется, что я вернусь. Сверху в рюкзаке ничего особенного, конечно, не было, ну одежда кое-какая, ножик Джокеровский, причиндалы для подземки: фонарик, комбез, и вдруг вижу – там лаймер лежит. Я его вытащил и сразу же понял, что это Длинный мне свой лаймер оставил. На память! А он же обалдеть дорогой, Длинный на него несколько месяцев рефераты половине класса писал. На городской-то школоте можно было деньги сделать. Но еще я сообразил, что про этот лаймер бюре-ры наверняка не знают, если я его, конечно, сам не запалю, или кто-то не стуканет. Длинного же батя в десять утра забрал, а Шнурка уже в первом часу убили. Открыл я его, хотел включить и тут слышу, Маришка говорит:

– Не включай... Засекут еще.

Голос у нее спросонья чуть с хрипотцой. Повернулся к ней, а она смотрит, и глаза ее близко-близко. Я лаймер опустил и руками бетон под собой нащупал.

А она вдруг усмехнулась и говорит:

– Привет...

– Привет! – отвечаю.

– Не включай, – говорит, – лаймер, а то и сюда бюреры набегут.

– Так это же не мой, – отвечаю, – это же Длинного. Они про него и не знают ничего.

– Может быть, и не знают, – отвечает она, – а может быть, знают уже, – а глаза у нее такие серьезные.

А потом она спрашивает:

– Ну что решил? Бежать хочешь или за Димку отомстишь?

А мне зачем с ней дела обсуждать? Опасно для нее это.

Но ответить надо.

– Бежать, – говорю, – всегда успеется. Но только без тебя не уйду, – и снова ей прямо в глаза гляжу.

А она вдруг еще ближе ко мне наклонилась, близко-близко.

– Ты что, – говорит, – Шурыч, мне предложение делаешь?

А я говорю:

– Да! Делаю! – и чувствую, как внутри меня что-то радостно так дрожать начинает, словно хвост у щенка, и думаю, что сейчас я ее поцелую и что вообще у нас с ней обязательно все будет. Все-все. Я сделаю так, чтобы было. И никто мне

не помешает!

А она вдруг фыркнула.

– Дурак, – говорит, – ты, Шурыч, и пацан еще, молоко на губах не обсохло!

Как будто у нее оно обсохло! Ей пятнадцать лет всего. Ну она встала, словно меня тут и нет, рюкзачок свой маленький взяла, развернулась, чтобы уйти. Но я не дал. Вскочил на ноги, догнал, за руку взял да к себе развернул. И тут мы в первый раз поцеловались по-настоящему.

Ощущение, словно лифт оборвался, и мы стремительно несемся с ней в кабине вниз, а шахта никак не заканчивается...

Насилу я оторвался от нее тогда. Как-то понял, что не надо так, не хочу. Все у нас с ней обязательно будет, но не здесь. Да и она опомнилась. Солнце уже почти село совсем, на крыше еще светло было, а внизу смеркается.

Оказывается, она мне поесть принесла и даже бутылку пластиковую с чафе – такая дешевая синтетическая бурда вместо чая. А когда я в один присест съел все, что она притащила, – я даже и не разобрал особо, что там было: пирожки какие-то и пицца еще небольшая, – стало ясно, что ей домой пора, то есть в интернат. Не может же она здесь со мной ночевать. Да и лидер Ираида, которая сегодня дежурит, обязательно донесет, если увидит, что Маришка опоздала или что ее нет. Связался я все-таки по лаймеру Длинного с Серегой,

выслушал, как всегда в таких случаях бывает, целый вагон рекламы всякой, а потом мы с Серегой решили, что я Маришку до общаги провожу, а там он ее с пацанами с нашего класса встретит, чтобы Чика или белообрый не докопались.

А потом я ее провожать пошел. Топали мы с ней вместе по улицам города, и улицы все вокруг вроде были привычные, но вдруг я, знаете, понял, что где-то за этими серыми девятиэтажками, где-то там, далеко, есть настоящая жизнь, и что мы с Маришкой обязательно в эту жизнь прорвемся! А вокруг знаете, пахло так... Я в первый раз за все лето внимание на это обратил. По-особенному пахло. Цветами, нагретым асфальтом, землей... И еще листвой... И фонари так таинственно через деревья светили.

Недалеко от общаги нас Серега встретил. Вернее было сказать, ее встретил, потому что я поцеловал Маришку на прощание и из темноты смотрел, как она до Сереге добежала, а потом еще несколько человек к ним присоединились, и они все к интернату ушли. А потом дверь закрыли. Вовремя она успела.

А я пошел назад и все думал, как странно наша жизнь устроена, ведь за все каникулы ни одного происшествия серьезного, а тут столько всего и сразу. И вдруг я понял, что это все-таки Лохматый Шнурка прикончил. Конечно, он! Если он и так схлестнулся с Чикой из-за товара, то Чике сейчас убийство Шнурка ни к чему. Невыгодно. Вон, сколько сразу

бюреров набежало. Одно дело – передоз или там несчастный случай, а тут убийство, да еще прямо в школе! Как с конкурентом воевать, когда кругом топтуны да прослушка?

И так я увлекся этой мыслью, что никого кругом не видел. Поэтому-то я и нарвался на засаду. Если бы я их чуток раньше заметил, то чесслово бы ушел, по городской пересеченке меня еще никто догонял. А здесь первый же, высокий такой вылетел на меня из темноты и одним ударом с ног сшиб. И так я треснулся затылком об землю, что перед глазами темно стало, а потом он, зараза, поднял меня за лацканы куртки, да так легко, как котенка за шкурку поднимают, встряхнул да и кинул опять на землю. Ну тут уж я успел сгруппироваться!

Упал я на бок, голову наклонил вперед, чтобы еще раз не удариться затылком, слышу, а ко мне уже и с другой стороны кто-то подходит.

Остальное – на рефлексе. Пара секунд у меня, видимо, все же была, потому что успел я на четвереньки встать да под ногами землю почувствовать, а потом я рванулся и тому, второму, под ноги бросился. А он споткнулся об меня, упасть не упал, но равновесие потерял, а я его тогда за ногу дернул, чтобы ему уж совсем на ногах не стоялось! Мне надо было только увернуться, чтобы он на меня не свалился. Он упал и первого задержал, а я кубарем с пригорка скатился, прямо на проезжую часть, на переход, на зебру под све-

товые знаки, поднялся на ноги, чтобы дальше рвать, и тут меня светом фар ослепило! А в следующий момент я увидел маленький, прозрачный автомобиль, за рулем которого девочка сидит. А потом удар – и темнота!

Последнее, что я успел увидеть, – это ее глаза полные ужаса и неоновую, зеленую шапочку-сеточку, из которой во все стороны торчали огненно-рыжие волосы. Как все запомнил и рассмотрел, сам не понимаю.

Глава вторая Чемодан

...Очнулся я от боли в левой руке. Боль была такая сильная, какой я еще никогда не испытывал. Я даже орать не мог. Вцепился второй рукой в какую-то железку, выгнулся так, что того и гляди, кости трещать начнут, а меня что-то держит, не пускает. Чувствую – стоит надо мной кто-то огромный, черный, и кажется мне, что он сейчас лапу свою такую же черную в меня запустит и кишки мои начнет на эту лапу наматывать. А боль не прекращается, словно мне руку уже пилой отпилили! Я даже ногами засучил по какой-то скользкой поверхности. И тут я глаза, наконец, открыл, а мне свет яркий в зрачки ударил, и кто-то рядом стоит, успокаивает и по руке этой самой гладит. Мне даже померещилось, что ее, руку мою, этот черный откусил, а теперь то, что осталось, лижет. Причудится же такое....

А потом до меня так медленно доходить стало, что лежу я на операционном столе, привязанный к нему кучей всяких ремней, в глаза мне бьет яркий свет операционной лампы, а рядом стоит тетка в белом, толстая такая, смотрит на меня через зеленые очки, по плечу меня гладит и приговаривает так:

– Ш-ш-ш.... Терпи, мой хороший, терпи. Ш-ш-ш...

И тут я понимаю, что она мне только что вкатила что-то такое, от чего у меня глаза вот-вот из орбит вылезут. Ни

фига себе, терпи! А потом боль вверх по руке пошла, и так мне вдруг горячо стало у сердца, что я даже дышать не могу, а тетка мне что-то под нос сунула, Наверное, нашатырь, и спрашивает меня:

– Чувствуешь запах? Как его зовут? Саша? Саша! Чувствуешь запах?

А мне какой запах, я ж вообще ничего сделать не могу!

Она повернулась к кому-то и говорит:

– Все-таки нельзя колоть иксвипрепарат несовершеннолетним. А вдруг он помрет сейчас? Кто отвечать будет?

А ей что-то такое отвечают, мол, ни фига не помрет, а помрет, так ничего страшного, одним щенком безродным больше, одним меньше, разницы никакой. Она так головой осуждающе покачала, на меня смотрит, и я по глазам ее вижу, что хана мне. А потом она вдруг что-то сообразила, засуетилась, стала лекарство в шприц набирать. Но я уже больше ничего не видел, все перед глазами расплылось, и я вроде бы как сознание потерял. Я говорю «вроде бы», потому что если бы потерял, так все понятно: темно кругом и не помнишь ничего, а тут, словно темнота сгустилась в этой операционной или где я там находился. И снова вижу: сидит прямо возле меня на краешке операционного стола этот черный. Такой черный, что свет лампы от этой его черноты словно бы и исчез совсем. И по углам операционной, во тьме, то и дело тени какие-то мелькают и возня какая-то слышна, словно крысы кого-то жрут. И страшно мне так, как еще и не бывало ни

разу! Ни в драке, ни даже в пыточной у Ромберга. А черный сидит и смотрит и не говорит не слова. А я почему-то никак не могу разобрать его лица, да честно говоря, и не хочется мне на него смотреть, а хочется удрать. А я же не могу, меня же к столу приковали! А он сидел, сидел, а потом вдру как придвинется ко мне лицом к лицу... А я смотрю, а лица его и не вижу, а вижу только два глаза. А глаза разные и моргают по-змеиному!

Ну тут я заорал, наконец, и проснулся.

Оказалось, я уже в палате лежу, а палата небольшая и совсем без окон, на мне белая, фланелевая пижама надета, а рядом какой-то хмырь в черных очках сидит. Глаз не видно, на плечи халат белый накинут, а под халатом – черный китель. Ну, естественно, БНБ, как я раньше не допер! Сел я стогреча, смотрю, а у двери этот, высокий сидит, который меня два раз об землю хватил. И смотрит на меня такими недобрыми глазами, и халата на нем нет. Как увидел, что я зашевелился, сразу со стула подскочил, я думал, он мне сейчас опять промеж глаз зафитилит, чтобы не рыпался, а тут этот, бюрер в халате, на него не то чтобы посмотрел, а просто повел в его сторону головой, и высокий сразу же на место сел. Как овчарка. В общем, сразу стало ясно, кто тут главный.

Я рисковать не стал, обратно на подушку откинулся и к себе немного прислушался. И оказалось, что чувствую я себя не то, чтобы прекрасно, но нормально. Руки-ноги целы, шевелятся. Есть, правда, опять хочется, ну просто зверски!

Но ни голова у меня после удара об асфальт не болит, ни нога, ни еще что-нибудь. Хотя по всем показателям меня должно было размазать по тому прозрачному автомобильчику, как жука. Хрясь! И все – ваших нету! Только кишочки по стеклу.

И тут я вспомнил про черного и про то, что он мне, кажется, кишки на руку наматывал. Я даже живот пощупал. Да нет, все вроде нормально, но ощущение все-таки такое... Странное. Словно я через какой-то кошмар прошел и все-все про то, что со мной было, забыл и вспомнить не могу. И даже следов никаких не осталось. Ну да ладно. Это еще не самое страшное, что может с человеком случиться! Главное, жив. А раз жив, значит, не все так плохо. Не стали бы бюреры меня с того света вытаскивать, если бы снова туда меня отправить хотели. Да и что они мне предъявить могут? Хотя ситуация неприятная! И особенно у меня опасения вызывал этот высокий. Чтоб его!.. Того и гляди, снова кинется...

А бюрер в черном кителе так участливо на меня смотрит. – Ты, – говорит, – Соловьев, не бойся. Он тебя не тронет. Разозлил ты его просто. Целый день за тобой гоняемся, устали. Вот так у нас дела и делаются, шпионов ловим, а тебя поймать весь день не могли. А чего бегал-то? Ведь не виноват? Ну?

А я че, оправдываться буду? Я ж Шнурка не убивал. И они это, уверен, знают и комедию тут передо мной ломают. А чего ее ломать, я ж не дурак какой-нибудь, меня на этом не пой-

маешь. Молчу я и на него гляжу. А он на меня. И понимает он, что его слова на меня не произвели ни малейшего впечатления. И тут он слегка так кивает высокому, мол, выйди.

А тот сразу все понял, встал и вышел, и дверь за собой так тщательно прикрыл. А этот, в халате, встал с места и наоборот дверь пошире распахнул, чтобы видно было, если кто у двери стоит или по коридору мимо проходит. И если бы не этот высокий в коридоре, то я бы сто процентов попробовал сбежать. И видимо, бюрер в кителе понял это по моему лицу, потому что в его глазах вроде как удивление отразилось, что я такой упертый и с ними дружить не хочу.

Ну остались мы с ним одни. Он садиться не стал, а надо мной так навис и говорит полупшепотом.

– Ты что, Соловьев, срок хочешь получить? Так я тебе это устрою. Уроки прогуливал? Прогуливал. Алкогольные напитки употреблял? Употреблял! Характеристика у тебя от Ромберга вашего – хуже некуда. Драчун, вор и бродяга. А ты, в курсе, Соловьев, что каждый гражданин Евразийских штатов до достижения совершеннолетия обязан ежедневно школу посещать? А ты в курсе, Соловьев, что за употребление алкогольных напитков несовершеннолетними у нас полагается два месяца тюрьмы для родителей? Но у тебя, Соловьев, родителей нет, а значит, отвечать будешь по всей строгости закона сам. А если еще припомнить, что ты сегодня два раза от наших комиссаров ушел, да второй раз – с примене-

нием насилия в отношении представителя власти, то годиков пять поселения мы тебе обеспечим. Не хочешь на пять лет, можно год каторги устроить. Тебе, Соловьев, что больше нравится? В тайге сучья рубить или в рудниках вагонетки толкать?

А что я ему могу ответить?

– Врете! – говорю, – до восемнадцати лет на рудники не посылают!

А он от кровати отошел и на меня снова обернулся, улыбается.

– Хочешь проверить? Не веришь? Тебе, наверное, больше ваш централ нравится в этом, как его... в Игнатово? Хорошее название. Знаешь, – говорит он и опять так близко ко мне наклоняется, – а у нас в детстве, дурачков и дурочек вроде этой твоей Марины так и называли – игнашками...

Тут меня словно за горло кто-то схватил и душить начал. А он на часы смотрит и говорит:

– Час назад вертушка туда ушла с твоей Мариной, мы ее туда отправили, чтобы она здесь не мешалась. Да ты не волнуйся так, ей там хорошо будет. Подлечат немного, дурь повыбьют. Врачи и санитары там хорошие, умеют это делать, – а сам на меня смотрит.

Тут у меня кулаки сжались, а деваться-то мне некуда! А он снова ко мне наклоняется и спрашивает:

– Будешь теперь с нами сотрудничать?

Ну тут я ему и врезал так, что очки слетели, а потом си-

ганул через головку кровати в коридор, думал, я буду не я, если не сбегу, да куда там! В коридоре этот высокий меня снова скрутил и по полу обратно в палату приволок. Медсестра или врачиха, кто она там, эта, в белом халате, визжала так, словно не меня, а ее саму били! А потом бюреры вдвоем меня держали, а медичка что-то мне в руку вкатила, и у меня голова сразу закружилась, и только минут через десять я в себя пришел.

Очнулся, а бюрер в кителе мечется по палате, халата на нем уже нет, скулу трет, по которой я ему врезал, и с кем-то разговаривает: у него гарнитура маленькая такая на ухо надета. Увидел, что я зашевелился, разговор закончил, встал в ногах, глаза злые. Я смотрю, а глаза у него разные! Один черный, а второй голубой, словно он линзу вторую забыл поставить. Смешно и даже жутко в такие глаза глядеть. Но мне больше жутко.

А он зубами скрипит. Подошел ко мне и рукой за горло взял, а рука у него холодная, как лед, а потом он ее сжимать начал, и что-то тут со мной сделалось, что я понял, лучше раз-зу помереть, чем терпеть такое! Я за руку его схватил, а ему хоть бы что. И снова все от меня вдруг так отдалилось, и голоса его я уже совсем не слышал. И такая боль! Сразу во всем теле и особенно – в груди. А потом он хватку вроде бы ослабил и мне, наконец, вздохнуть дал. И снова так ласково-ласково говорит мне, почти шепчет:

– Будешь с нами сотрудничать?

– Буду! – сиплю я и головой мотаю.

А что мне еще было им ответить? Вы что бы ответили, если бы вас так душили?

Короче, взяли они меня в оборот и наручники не понадобились. Под лопатку мне маячок вкололи – чтобы сам вырезать не мог, к уху каким-то прибором, похожим на степлер, микрофон прицепили, никому не видно, а я их слышу, а в правую бровь вставили крохотный такой серебряный пирсинг со встроенной камерой и микрофоном.

Ненавижу пирсинг...

Но знаете, что самое интересное? То, что я боли почти не чувствовал, хотя и должен был, а еще то, что все это почти сразу же заживало. И ни тогда, ни потом не болело. В общем, выставили меня из больницы через час, шмотки отдали, и только тогда я о пистолете вспомнил, он же у меня в куртке остался, а куртки среди вещей и не было. Ну ладно, думаю, мало ли, может, они решили про него умолчать, забрали да забрали, мне незаконное владение оружием не предъявили и хорошо.

Спускаюсь по лестнице, гляжу, а в приемном покое девчонка эта рыжая сидит, которая меня сбила. Смешная она такая, чесслово: волосы ярко-рыжие в разные стороны прядями торчат, шапочка эта зеленая сеточкой, глаза зеленым

накрашены, и помада тоже такая же рыжая, и веснушки, и сначала даже подумал, что она их специально нарисовала, такие они неправдоподобные были, а потом понял, что просто она такая и все.

Меня увидела, глаза вытаращила, подхватила со скамейки, я гляжу: а у нее в руках моя куртка! Ну мне сразу полегчало. Взял я куртку, пистолет щупаю, а пистолет, как это ни странно, на месте, а она что-то щебечет, щебечет и никак остановиться не может, и до меня так медленно начинает доходить, что она безумно рада, что я живой остался, потому что она считала, что меня вот-вот должны были с реанимации вперед ногами вывезти, а тут я стою перед ней целый и невредимый, а еще она говорит, что сделает для меня все, что угодно, лишь бы я на нее в суд не подавал, потому что сейчас сбить несовершеннолетнего – это очень большие деньги надо заплатить, и ее родители, конечно, не очень бедные, но таких денег у них точно нет.

Я на нее смотрю, а лет ей, наверное, около девятнадцати, недалеко от меня ушла, и странно мне как-то, что она вообще сидела тут, беспокоилась. Другая бы юриста семейного вызвала, да и все. Тем более, что я живой. Но тут я все-таки сообразил: чего мне на крыше ночевать, когда она раскошиться готова! А она меня не сразу услышала, все свое лопотала.

– Чего? – спрашивает и ротик свой покрашенный так открыла.

– Ничего, – отвечаю, – сними мне номер в отеле на неделю, ну и пятьсот евразийских долларов дай на карманные расходы, и я расписку дам, что претензий не имею.

– Не шутишь? – спрашивает, ротик закрыла и уже сообщает, во сколько ей номер обойдется. Дороговато, конечно, но все равно на несколько порядков дешевле получается, чем по суду дадут.

Она еще подумала, а потом кивнула.

– Хорошо, – говорит, – пиши расписку.

А я отвечаю:

– Э, нет, так не пойдет! Сними номер и пятьсот бакарей наличными. Тогда и будет тебе расписка.

Она говорит:

– Откуда же я тебе ночью пятьсот евращек наличкой возьму? Наличку только в банке можно получить – по паспорту. И то по предварительному одобрению.

– Ну утром подгонишь, – отвечаю, – а я расписку к этому времени напишу.

Ну ей деваться некуда, вышли мы вместе на подземную стоянку больницы, подошли к ее этому автомобильчику смешному, я его спереди осмотрел, и надо отдать должное: ни царапины, небольшая вмятина только на бампере посередине и все.

Ну мы сели в авто, пристегнулись, а она меня и спрашивает:

– А тебе обязательно нужно, чтобы отель был? Квартира

тебя не устроит? У меня просто денег не очень много сейчас.

– Устроит, – говорю, – только ведь у меня каунтера нет, как я ее открывать буду? И потом мне именно мой район нужен.

– Квартира рядом, а каунтер я тебе свой дам, – отвечает она, – а ты дай мне слово, что через неделю оттуда съедешь, а каунтер мне вернешь, и не придется инспектора вызывать.

– Хорошо, – говорю, – договорились, а чья фатера?

Она на меня покосилась, не поняла, видимо, что такое фатера, потом сообразила.

– Моя.

– А ты где жить будешь?

– У родителей. Они на Тенерифе уехали на две недели, как раз дней через восемь вернуться. Я пока у них поживу.

Разговариваю я с ней таким вот манером, а сам все время думаю, что меня слушают и смотрят за мной, и ее сейчас видят, и ведут меня, и все-все знают, куда мы там поедем да сколько времени где проведем. Неприятное, надо сказать, ощущение. Конечно, я и так знал, что когда мне вживят айкед или дадут каунтер, то меня всю оставшуюся жизнь будут «вести», но это все-таки не то, что сейчас. В этом случае ты – как все, а сейчас ведь специально за мной следят.

Так что я особо с ней старался не разговаривать, да и она замолчала. Ну и правильно – о чем мне с ней говорить, она, небось, учится где-нибудь в высшей школе, уже поди и му-

жа ей мама с папой присмотрели, и квартира вон своя, отдельная. И родители на Тенерифе. А я даже не знаю, где это. По названию похоже на курорт. Может, в Африке?

Пока я так думал, она с территории больницы выехала, да по Лосиноостровской проехала и налево свернула, там в лесном массиве новостройку отгрохали. Ну вот, в одной из высоток на втором этаже и была у нее квартира. Маленькая такая, на двух уровнях, всего-то четыре комнаты! Зашли мы внутрь, протопали на кухню, кухня ниче себе такая – «мне и не снилось» называется. Она банку с кислотой из огромного холодильника вытащила, мне вторую бросила, сама к столу села, крутится на стуле, меня разглядывает. Я из банки отхлебнул и тут только понял, что не знаю, как ее зовут. Откашлялся.

– Давай, – говорю, – знакомиться, меня Шурычем кличут. Она фыркнула в ответ.

– Это что за имя? Сказал бы там: Алекс или Сандро.

– Нет, – говорю, – я не Алекс и не Сандро. Я Шурыч.

– А я – Вики, – представилась она.

Ну в общем, Вики банку в один присест высосала и говорит:

– Ты, Шурыч, особо тут не наглей. Воровать все равно нечего, сейфа нет, – и мне каунтер бросила.

Свободный каунтер, а не тот, что на руке носят, я и не знал, что такие есть, пока она его из сумочки не достала,

а потом со стула соскочила и за дверь. Пальчиком так еще погрозила перед уходом.

– Как только банки откроются, буду здесь!

И все, я один остался. Думаете, я полез сразу посмотреть огромный лаймер или игрушки 4D гонять? Ни фига подобного! Я так устал, что завалился на кровать прямо в ботинках и последнее, что видел – это смешной розовый будильничек с трогательным хрустальным шариком вместо кнопки.

А потом я в сон провалился.

...Проснулся я от того, что в дверь по-хозяйски трезво-нили. Наверное, Вики эта рыжая пришла. Сел я, глаза протер, на будильник посмотрел. Оказалось, начало одиннадцатого, а заснул я только в четыре, так что нормально. Нащупал я в кармане каунтер, прошел к двери, открыл ее, и в квартиру Вики влетела.

– Вот! Держи, шантрапа! – крикнула она и первым делом деньги мне сунула. – Гони расписку!

Я доллары пересчитал и говорю:

– Да тут всего триста!

– Знаю! – отвечает. – Я остальное на каунтер перевела.

Надеюсь, криминала не совершила! Ну нет у меня больше на счету ничего, и так у подруги занять пришлось. Не дают банки наличку просто так! Там сначала надо указать, зачем тебе наличка нужна. А потом еще подтвердить расходы чеками. А ты че, кассовый аппарат, что ли? Давай, пиши расписку, вот бумага и ручка.

Пока я расписку писал, сидя за кухонным столом, она по дому бегала, какие-то вещи собирала. Сумка у нее такая огненно-красная была, маленькая. Так вот эта сумка от шмоток вскоре раздулась, как мешок. Потом она снова на кухню заглянула, расписку у меня выхватила, глазами пробежала, кивнула. А на лице явное облегчение появилось.

– Ну ладно! – говорит. – Будь! Если решишь смыться пораньше, каунтер здесь оставь, а дверь захлопни, у меня еще один есть. Понял? Все, что есть в шкафах и в холодильнике, можешь съесть, все равно за неделю пропадет.

И ушла. А я понял – жрать хочу реально! Бегемота сожру и слона в придачу. Открыл холодильник, а там, в общем-то, ничего и нет, ну стоит целая упаковка кислоты этой, бутылка вина початая, сыр засохший да коробочка пирожных. Зато в шкафу я нашел настоящий крупнолистовой чай и сахар! Целое богатство! Ну заварил я себе чаю в каком-то металлическом чайнике и съел все эти пирожные, всю упаковку. А потом включил лаймер, опять прослушал всю ту рекламную муть про помаду, тушь и тренажерные залы, которую на меня вылили, связался с ближайшей пиццерией и заказал себе самую большую пиццу. Съел, когда принесли, а потом снова завалился на кровать и решил пораскинуть мозгами на тему, что же мне теперь делать и где Лохматого искать.

Бюрер в черном кителе, фамилия у него была Шварц, мне рассказал, что Лохматый вчера исчез, как сквозь зем-

лю провалился. Ни в одном из своих притонов и борделей не появлялся. Куда исчез – не знал никто, даже ближайшие прихвостни. А мне надо было его найти для бюреров. Найти и в доверие втереться. Тут и чемоданчик этот должен был пригодиться. Бюреры и про чемоданчик все знали. Этот черный, конечно, был уверен, что я Лохматого для них искать буду. Из-за Маринки. А я-то Лохматого, конечно, кончить хотел. Потом думал сбежать к конви, а потом вытащить из централа Маришку. Но почему-то мне казалось, что бюреры не Лохматого ищут, а кого-то другого. Не пойму даже, почему такое чувство возникло.

В общем, надо было действовать, а не на диване валяться.

Сначала я решил привести себя в порядок, нашел в шкафу полотенце, в ванну зашел, а там: е-мое, красота, да и только! Я с себя одежду скинул, в стиралку забросил и под душ полез. Пока я там стоял, стиральная машина мою одежду постирала, высушила, и даже встряхнула, чтобы морщин не осталось. Я пока в душе стоял, все себя осматривал на предмет шрамов, но ничего нового так и не нашел. Ну под коленом – это меня собака порвала еще в пятом классе, на бедре – о забор шваркнулся, на подбородке – на проволоку натянутую налетел еще маленький, лет восемь было. И все. Больше ни единой отметины.

Надел я снова на себя одежду, волосы влажные расчесал, и показалось мне тогда, что все у меня получится. Я же

не знал тогда, что нам всем немного оставалось!

Короче, перво-наперво решил я на «Закат» сходить, вещички забрать. Тем более, что проблем с передвижением по городу у меня теперь не было: бюрер вчера мне специальную карточку дал, чтобы можно было в метро проехать и на любой клинкарт сесть.

Так что я из подъезда вышел, до ближайшей остановки дошел, на интерактивный экран посмотрел, полистал справочник. Оказалось, до Байкальской отсюда ходил клинкарт под номером семьсот сорок семь, тут и расписание было. Подождал я на остановке ровно две минуты, зашел в клинкарт, провел карточкой по датчику, через турникет прошел и все – внутри. На карточке с другой стороны номер моего места высветился, и я на него прошел. Никто на меня даже внимания не обратил.

Доехал я до нужной остановки, вышел и сразу – к «Зака-ту». Залез наверх, а там меня лаймер ждет, лежит прямо там, на скамейке, где я его и оставил! А в лаймере – пять сообщений от Васьки, и все про то, что меня бюреры ищут и что Маришку увезли. Ножик в рюкзаке лежит, тоже меня ждет. Я его вытаскивать не стал, через ткань рукой пощупал. Пусть в рюкзаке остается. Вот так и оказалось, что я вроде бы ничего не потерял за прошедшую ночь, даже, скорее, приобрел. Например, мне вкололи какой-то препарат «икс-ви».

Залез я сразу в сеть, чтобы посмотреть, что это такое? Как

раньше не допер посмотреть, непонятно. И тут у меня ладони сразу вспотели.

Оказалось, эту дрянь вкалывают только бойцам спецподразделений БНБ. Причем, каждый год. И действует он так: если ты еще хоть чуточку жив, если тебе голову не оторвали и сердце не пробито, значит, будешь жить. Нет, ну там, конечно, бывают исключения: большая кровопотеря или повреждение мозга, или еще что-то серьезное. Если надвое распилили, точно не поможет. Но это я шучу. На самом деле, все легкие ранения и ранения средней степени тяжести затягиваются быстро. Да и серьезные раны тоже заживают намного быстрее. Да... Такой препарат Шнурку бы вколоть, может, он тогда бы выжил?..

Посидел я еще на крыше, посмотрел кругом, подумал. Получалось, что выхода у меня два: или снова на Рамиреса выходить, или ехать к «Снежане». Только кто же меня туда пустит? Да еще днем? Но другой стороны, подставлять Рамиреса не хочется. Он же сто процентов начнет мне впаливать свою контрабанду! Купи да купи. А я че могу ответить? Извини, Рэм, но ты в прямом эфире? Ты только рот открыл, чтобы барахло свое продать, а я тебя уже сдал ненароком? Значит, надо было еще пошевелить извилинами и вспомнить всех знакомых, кто мог быть хоть как-то связан с Лохматым.

И я пошел к Чике. Скажете, сумасшедший? Да, наверное, так и есть. Хотя чем я рисковал? Ромберг должен был еще

в школе быть, там же, в школе, было большинство друзей Чики, потому что не все же они были оторвами, некоторые все-таки хотели получить сертификат об окончании школы и на занятия ходили. Вохровец тоже должен был быть в школе. Значит, на весь комплекс интерната должны были остаться директор, которому, в принципе, до нас дела не было, лишь бы окна и мебель целыми оставались, дежурный лидер и охранник, который за камерами следил и тоже из своего помещения выходил редко. Очки и капюшон – и дойти можно хоть до пятого этажа! Мне должно было очень не повезти, чтобы меня задержали. Хотя времени до конца занятий немного оставалось.

Ну тут я из рюкзака бандану достал и повязал ее полоской по лбу так, чтобы пирсинг с камерой закрыть. А потом из кармана пистолет вытащил. В ухе сразу же ругательства раздались. Но голос был не Шварца, а чей-то другой, наверное, там какой-нибудь дежурный у экранов сидел.

В общем, пока он ругался и орал мне в ухо, чтобы я камеру освободил, я быстро ремни кобуры размотал, кое-как сообразил, как их надеть, куртку скинул, застегнул их, а потом пистолет вытащил из кобуры и посмотрел. Это был старый «Вальтер». Я на защелку нажал и мне в ладонь магазин выскользнул, я посмотрел, а там прорезь сбоку, вроде окошка, и в окошке этом патроны виднеются. Двенадцать, нет. целых пятнадцать штук!

А потом я магазин вставил обратно до щелчка, затвор

передернул и снова пистолет на предохранитель поставил. Много раз видел, как это в фильмах и в играх делают, а самому такое пришлось в первый раз сделать.

И тут я услышал голос этого черного бюроера и аж вздрогнул. Чесслово, никогда со мной такого не было!

– Соловьев! Или ты открываешь сейчас камеру, или мы заканчиваем операцию прямо сейчас, и я высылаю наряд, чтобы тебя вернули в больницу. Поедешь в централ к поддружке!

– Извините, – говорю я. – Я не понял, чего это ваш сотрудник ругается. Сейчас исправлю.

Сунул я «Вальтер» в кобуру, куртку застегнул и бандану поправил, чтобы им видно было.

– Сейчас нормуль? – спрашиваю?

Он говорит так недовольно:

– Нормально, ты где?

Я отвечаю:

– Да рядом с общагой, за рюкзачком заскочил, одежда тут у меня. Я сейчас на встречу пойду, в интернате.

– Ну давай, – говорит он, а потом, вроде, пропал.

Ну и хорошо, а то мне от него не по себе, даже дыхание сбивается, словно я только что на крышу взобрался, и руки дрожать начинают. Ну может, это и к лучшему. Если он не догадается предыдущие кадры посмотреть, то я в дамках. А если догадается, то я ведь всегда «Вальтер» сбросить могу.

До интерната я быстро дошел, проник туда через полуподвал, на цыпочках мимо библиотеки прокрался, – совсем мне не хотелось с Натали объясняться, где меня носит, да почему я отсутствовал, а потом, уже не таясь, в холл прошел и через переход – в соседний корпус.

Чика и еще несколько его отморозков в привилегированном общежитии жили: за них родители платили. Общага не чета нашей. В каждой комнате лаймер, душ, туалет, встроенная мебель. Я у Чики, конечно, никогда не был, но по слухам, он один жил. Очень удобно девчонок к себе таскать.

Ну поднялся я на последний этаж и на площадке с белобрысым столкнулся. Он меня и не узнал сначала. На нем спортивные штаны и футболка были, на плече полотенце висит, наверное, с качалки возвращался. Меня увидел, остановился и глаза вытаращил: узнал, но сделать ничего не успел, потому что я его сходу толкнул его в грудь так, что он к стене отлетел, и говорю:

– Веди к Чике, потолкуем, – и полу куртки оттопырил – «Вальтер» показываю.

Он, как только «Вальтер» увидел, аж в лице поменялся. Дело в том, что в апреле на выпускном в соседнем интернате один пацан застрелил восемь одноклассников.

Видимо, белобрысый решил, что я такой же, и у меня крыша поехала. Мы по коридору прошли, комната Чики в самом конце оказалась. На двери у Чики была гравюра прикручена: пиратский корабль и череп с костями над ним. А дверь

не заперта.

Я тогда белобрысого внутрь втолкнул и сам следом вошел. А там прихожая маленькая, туалет справа и еще одна дверь. Ну я ее ногой распахнул и снова белобрысому наподдал так, что он вылетел на середину комнаты. А он и не сопротивлялся почему-то. То ли на Чику надеялся, то ли пистолета испугался.

Ну тут я «Вальтер» вытащил, встал у двери так, чтобы сзади на меня никто не напал, и на Чику его навел. А Чика, оказывается, спал. И даже дверь не закрыл, – настолько был уверен, что к нему никто войти не посмеет. Кровать у него широкая, а рядом девочка лежит голенькая, малолетка еще совсем. Ничего не скажешь, хорошо устроился под боком у Ромберга! Никогда я не мог понять, почему когда взрослый бугай малолетку совращает – это преступление, а когда вот такой тип, как Чика, тащит ее в постель, то лидеры это нормой считают? Еще и презервативов дадут, чтобы без последствий было!

– Давай вставай! Поговорить надо!

Девочка эта меня увидела, как завизжит!

Надо Чике должное отдать, он даже спросонья сразу врубился, что к чему. На девочку свою так прикрикнул, что она сразу заткнулась, одеялом прикрылась и в угол забилась.

Я думал, мне сейчас в наушник всякие ругательства посыплутся. А там ничего – тишина. Наверное, снова за этим, черным, побежали.

А Чика с кровати, не спеша, встал, штаны спортивные натянул, сел обратно, смотрит на меня, и страха я в его глазах не вижу. Ну он пацан бывалый. Даже если и будет страшно, виду не подаст. И сразу к делу переходит.

– Че, – спрашивает, – надо, Шурыч?

Голос у него спросонья хриплый.

– Да вот, – говорю, – пришел твою задницу спасти. Ты, говорят, с Лохматым схлестнулся?

А он смотрит на меня, и по глазам ничего не понятно.

– Кто говорит?

– Люди.

– Да врут люди, – отвечает он мне так спокойно.

– Ты, Аслан, зубы не заговаривай, – отвечаю ему, – все уже знают, что к чему. Лохматый на дно залег. Сделай так, чтобы я на него вышел.

Тут Чика позу переменял, да щека у него одна чуть дрогнула, потом на белобрысого глянул. А белобрысый че ему ответить может, белобрысый белый, как полотно, стоит.

– А что мне с того будет? – спрашивает вдруг Чика так, с ленцою.

Понял уже, гад, что можно с меня что-нибудь слупить. Чика – он такой, своего не упустит: и с друга, и с врага три шкуры спустит...

– Сейчас в живых останешься, – отвечаю, – а потом Лохматый от тебя отстанет.

– А че это ты обо мне заботишься, Шурыч? – спрашивает

Чика. – Может, это я твоего друга грохнул? А ты вместо того, чтобы сейчас на курок нажать, мне помогаешь? С чего это?

А мне вроде бы и скрывать нечего.

– Я не тебе помогаю, Чика, я за Шнурка отомстить хочу. Так что ты меня с Лохматым сведи. Тебе же выгодно. Я его прикончу – тебе легче, он меня – тебе опять хорошо.

Тут Чика даже оживился.

– Точняк! – говорит. – Заметано! А как с тобой связаться, ты ж в бегах?

– На лаймер Длинного звони, – говорю я ему, потом «Вальтер» в кобуру спрятал и ушел.

Едва я из интерната выбрался да подальше отошел, смотрю: школьный автобус едет и следом внедорожник Ромберга. Огромная такая тачка, весь наш класс в него влезет и еще место останется.

Я за угол завернул, и тут у меня в ухе голос опять раздастся этого, черного, Шварца.

– И где же ты, Соловьев, пушку взял? – говорит он мне так негромко, чтобы не напугать.

Ну я с духом собрался.

– Не ваше, – отвечаю, – дело. Нашел!

Он замолчал на минуту, и я было решил, что все, сейчас опять пугать начнет, а он только хмыкнул мне в ухо.

– Ладно, – говорит, – нашел, так нашел! Теперь будем знать, что ты вооружен и опасен.

Ну я промолчал: ему перечить, только злить.

Дошел я до остановки, сел опять в маршрут номер семь-сот сорок семь и обратно поехал. Странное у меня было состояние. И в сон клонит, и возбуждение такое, словно голова вот-вот от мыслей взорвется. То я больничные воспоминания проматываю и соображаю: может, что не так сделал, и как ответить им было лучше, то о Чике и о Рамиресе думаю, и про то, где бы мне Лохматого найти, и кто еще на него вывести может. Но по сторонам гляжу, реальности не теряю, с меня и одного раза достаточно.

Особенно я стал внимательным, когда к дому подходил. Место незнакомое, мало ли что. Но кругом спокойно было. Никто ни на кого внимания не обращает, все по своим делам идут, кто под ноги смотрит, кто мыслями занят. Так что на глаза мне попался один только пацан у подъезда. Был он, как и я, в балахоне с капюшоном, джинсы черные, руки в карманах прячет и под ноги смотрит.

Как только я к подъезду подошел, он вдруг свистнул так пронзительно и прямо с места в карьер прочь метнулся. Я даже остановился слегка. Кеды у него были заметные: ярко-зеленые с полосой и из-под балахона брелок виднеется на цепочке. Такие брелоки к ремню обычно пристегивают. Цепочка длинная, и брелок туда-сюда мотается. Яркий такой и тоже неоново-зеленый, рыбкой.

Ну я в подъезд зашел, на этаж поднялся, смотрю: а дверь

открыта. Я сначала подумал: может, Вики снова приехала? Я дверь рукой толкнул, а тут меня из темноты как шарахнет чем-то тяжелым! Я даже понять ничего не успел.

...Очнулся я быстро. Так уж мне показалось. По крайней мере, никто из соседей меня на лестничной клетке не нашел и крик не поднял. Уже хорошо.

Сел я, за голову схватился, перед глазами опять все плывет, а под пальцами липкое. Ну конечно! Кровь! Хорошо мне приложили, ладно не прибили хоть.

Хотел я встать, но тут меня так замутило, что я на карачках в квартиру пополз – и до туалета. Рюкзак за собой затащил. Ну выполоскало меня там, сразу легче стало. Вернулся кое-как по стеночке в прихожую, дверь закрыл. Смотрю: а замок на двери не взломан, просто кто-то подобрал, видать, комбинацию, не особо сложное это дело, надо признаться. Тут я про пистолет вспомнил, а пистолет в кобуре по-прежнему лежит. Значит, меня даже не обшмонали!

Ладно, я дверь захлопнул и чувствую, надо мне до кровати. Дополз до нее кое-как, лег, полотенце это, которым вытирался, себе под голову положил, чтобы белье не пачкать, лежу. Укачивает меня так слегка, словно кровать эта подо мной плывет куда-то.

И тут слышу тихий такой звук: это лаймер в рюкзаке признаки жизни подает. Кто-то меня увидеть хочет. Ну поднялся я, доковылял до двери, притащил рюкзак к кровати, снова

лег. Так, лежа, и достал лаймер, открыл, камеру отключил, чтобы не было видно, что меня отоварили только что. Смотрю, а вызов – от Чики! Быстро Чика работает, от меня избавиться спешит! Ну я вызов принял, нарисовалась на экране чиковская физиономия.

– Эй, – говорит, – ты там че, в темноте, что ли, сидишь? Не видно ниче.

– Камера, – говорю, – не работает. Че узнал?

– Да тут кой-че, – отвечает Чика. – Приходи, пообщаемся. Ага, нашел простачка...

– Нет, – говорю, – не приду, так говори.

Ну он помялся, а деваться-то некуда, уж очень ему хочется мне гадость сделать.

– Короче, – отвечает, – есть у меня тут человечек. Если ты ему понравишься, он тебя к Лохматому отведет. А если не понравишься, – тут он улыбнулся так мерзко, – то уж звиняй, чувак, но будут у тебя проблемки.

– Ладно, – говорю, – мои проблемки, не твои. Как найти человечка-то?

– Он тебя сам найдет, – отвечает мне Чика, и все – конец связи.

Я потом лаймер от себя оттолкнул подальше и снова на подушку лег. Не помню, сколько я так пролежал, думаю, не больше тридцати минут, и вдруг чувствую – легче стало. Вот было плохо, плохо, а потом вдруг сразу легче.

Перевернулся я на спину, посмотрел в потолок, а на по-

толке звезды светятся. Никогда не знал, что можно так потолок в спальне классно оформить, там натурально, целая галактика нарисована была. До этого видно ничего не было, а тут солнечный свет, что ли, как-то по-особому упал, и я увидел всю эту красоту.

А потом я в окно поглядел, смотрю, а солнце уже садится. Оказывается, я долго провалялся. И опять от голода в животе урчит. Ну сначала я решил по квартире пройтись, посмотреть, не пропало ли чего. Могли сюда из-за меня залезть, а могли и из-за Вики. Походил, туда-сюда посмотрел. В столе письменном вроде бы кто-то по ящикам шарился. Только что в письменном столе у рыжей девчонки найти можно? Маркеры? Лак для ногтей? Вроде бы ничего не пропало, по крайней мере, я не заметил. И тут жалко мне стало, что я номер ее лаймера не взял, а потом я догадался: в настенном лаймере должны были оставаться телефоны, куда она там звонила. Ну я лаймер включил, гляжу – точно. Есть тут звонки, которые так и обозначены – «домой». Нажал я на повтор на сенсоре и только потом подумал, что я буду говорить, если сейчас меня лаймер с ее мамой на Тенерифе свяжет, но обошлось.

К лаймеру Вики, правда, не подходила довольно долго, но потом мой сигнал приняла и на экране появилась. Не вовремя я с ней связался, кажется, она где-то на вечернике была. Видимо, вызов просто перенаправлен был с домашнего лаймера на личный. Костюмчик на ней такой светящийся был, и снова шапочка на голове, на этот раз желтая и очки

смешные.

Ну я ей объяснил, как мог, что случилось. Расстроилась она, как мне показалось, сильно. Сказала, чтобы я ее ждал и никуда не уходил.

– Через час буду! – голос у нее при этом был сердитый-пресердитый.

Ну я пока ее ждал, душ принял, полотенце это окровавленное в стирку закинул. Чего ее пугать лишний раз? Может, она вообще тут не при чем? После душа я голову в зеркале осмотрел, как мог, а раны нет, как не было! Чудеса, да и только. Хорошая вещь – этот иксвипрепарат. Жаль только действует недолго. Через год от эффекта ничего не останется.

Через час Вики прибежала. Я ей дверь открыл, а она мимо меня как рассерженная кошка в квартиру влетела. И давай по комнатам и этажам метаться, только каблучки по паркету да ковру топчут. Шкафы осмотрела, стол этот письменный тоже, и вижу: успокоилась, плечиками пожалала, села напротив меня в кресло.

– Ничего не понимаю! – говорит. – Может, это дружки твои решили тебе голову проломить?

– Угу, – говорю я ей в ответ. – Или твои? Ухажера никакого в отставку не отправляла недавно?

Она снова плечиками пожимает:

– Да нет, – говорит, – какие ухажеры?

– Может, в БНБ заявить? – спрашиваю ее, а сам смотрю, че делать будет.

А она в ответ:

– Тебе надо, ты и заявляй! Сейчас пока их дождешься, пока все обыщут, протокол составят, ночь закончится. А меня ждут, – и куда-то вверх кивает.

Оказывается, ее на крыше частный вертолет ждет. То-то я вроде бы рев вертолетного движка слышал!

Ну на нет и суда нет. И у меня в ухе тоже все молчком, ни звука, ни даже шороха, как будто все спать ушли. А мы с Вики замок от двери и каунтеры перенастроили, чтобы сюда еще раз кто-нибудь не вломился, а потом она и говорит:

– Поедешь со мной?

– Куда? – спрашиваю.

– На вечеринку. В «Небеса обетованные».

– Прямо в «Небеса»? – я аж оторопел слегка.

– Ну да, а что тут такого? – спрашивает. – Не бывал?

А «Небеса» это такой крутейший клуб возле Останкино.

Я плечами жму.

– Не бывал.

– Неужели? – она так картинно бровки вскинула.

Я аж рассердился.

– Чего я не видел в этих твоих «Небесах»!

А она вдруг в кулачок прыснула и меня за рукав поймала.

– Пойдем, – говорит, – Шурыч, я тебя приобщу к сливкам общества!

А мне делать-то, в принципе, нечего. Все равно ждать этого посыльного от Чики. Так какая разница, где это делать? Да и любопытно стало, у нас про эти «Небеса обетованные» много чего рассказывали, и вдруг сейчас мне представилась возможность посмотреть, правда все это или нет. Ну я лаймер во внутренний карман куртки сунул, замок на куртке наглухо застегнул, чтобы кобуру с «Вальтером» никто не увидел.

– А пустят, – спрашиваю, – меня в этом? – и на куртку тычу.

А она как засмеется опять.

– Ты же. Шурыч, не с парадного или черного входа зайдешь, ты же со мной, с вертолетной площадки спустишься. Ну давай, иди, чего я тебя, как девчонку, уговариваю?

Ну я и пошел, а вы бы что, отказались?

Лифт поднял нас на крышу двадцатиэтажки, а там на самом верху вертолетная площадка устроена, и в центре вертолет стоит, прозрачный совсем, как и ее эта машина. Пилот за штурвалом, все, как положено. На меня внимания – ноль.

Ну сели мы с ней на заднее сидение, дверцы закрыли, а внутри там довольно тесновато. Вики пилота по плечу хлопнула, ну он давай там какими-то рычажками щелкать. Винт раскручиваться начал. Я даже и не подумал бы никогда, что внутри такой дорогой штуки так шумно!

А потом винт, наконец, раскрутился, и вертолет от крыши

оторвался. А у меня полное ощущение, что под ногами ничего нет, и сижу я на сидении, которое в воздухе висит, и хоть почти стемнело уже, а все равно не по себе. Ну я за сиденье покрепче ухватился, Вики это заметила, опять засмеялась, а вертолет в это время наклонился и вперед рванул. Я на Вики глянул, а она смеется, и все куда-то в сторону показывает. Я голову повернул, а там освещенная площадь и улицы от нее в разные стороны расходятся. Красиво. И потом я уже обо всем забыл и только сверху на город смотрел, потому что ну когда еще такая возможность представится! А потом Вики ремни пристегнула да дверь со своей стороны приоткрыла, и в кабину сразу ветер ворвался. Волосы треплет. Тут пилот стал высоту набирать, и внизу уже кроме огней ничего не различить стало.

А Вики мне и кричит:

– Ты что, в первый раз на вертолете?

– А че, так заметно? – отвечаю, а она не слышит – шум двигателя все перекрывает.

– Чего?

– Да чего! Того! – ору ей. – Заметно?

– Ага! – она головой кивает, а сама хохочет и большой палец вверх показывает. – Все когда-нибудь бывает в первый раз! Держись, шантрапа!

Ну я держался. Сначала вниз смотрел, а потом за пилотом стал наблюдать. Подумал, вот было бы здорово стать таким же пилотом! Да только куда мне... Это же, наверное,

столько денег стоит, летнюю школу закончить, а потом еще практику наверняка надо проходить и платить за все. Нет, мне не осилить, хоть десять лет только на мечту работай. Да, таким, как Вики, все, а мне – только армия и южный фронт с радиацией и фосфорными бомбами. А они еще будут мне мозги выносить по поводу того, что мол, каждому сверчку – свой шесток! И так мне обидно вдруг стало, что просто не высказать. Даже Вики, кажется, заметила, что я замолчал.

– Ты чего, – говорит, – Шурыч, загрустил?

А чего я ей скажу? Она же не виновата в том, что я у нее под колесами оказался. И что мама с папой у нее обеспеченные, и в том, что они у нее вообще есть, а у меня не то, что родителей, даже тетки какой-нибудь завалющейся нету. Один Кутузов этот контуженный, которому пофигу на меня, хоть убейся или убей кого-нибудь. Но ничего я, конечно, говорить ей не стал, наоборот, стал спрашивать, над какой улицей летим. А там расспрашивать уже осталось совсем немного. Потому что я и сам уже видел приближающийся шпиль телебашни, подсвеченный прожекторами.

Вики со мной разговаривать бросила да по лаймеру связалась с кем-то. Ее, видать, там ждали уже. А потом вертолет вниз пошел, и я посадочные огни увидел и разметку на такой огромной четырехугольной крыше совсем рядом с башней.

Ну сели мы, вылезли, пригнувшись, подальше отбежали, я смотрю, а там лестница вниз и в распахнутых дверях хлыщ

какой-то стоит, высокий такой, здоровый, одет с иголочки. Лет ему наверное двадцать пять, не меньше, волосы темные. И вид такой холеный. На него с лестницы свет падает, расчесан – волосок к волоску.

Меня увидел, удивился.

– Это кто? – говорит.

А Вики ему и отвечает:

– Это мой младший брат, прошу любить и жаловать. Он с нами немного потусится, а потом сам домой уедет, ты не беспокойся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.